

ОКСАНА ШАПЕЕВА

Люцик,
я не твоя героиня!
Хроники Археоморфа

18+

Оксана Шапеева

Люцик, я не твоя героиня!
Хроники Археоморфа

«Автор»

2026

Шапеева О.

Люцик, я не твоя героиня! Хроники Археоморфа / О. Шапеева —
«Автор», 2026

Мне подарили кота. Он оказался древним богом. Если вам на тридцать второй день рождения дарят кота со словами «он заменит тебе мужика» — не верьте. Возможно, вам вручили Археоморфа, запертого в теле мейн-куна. Теперь он гипнотизирует холодильник ради лосося и читает ваши черновики через плечо. А возможно, за ним охотится его собственная тень... Меня зовут Катерина Горина. Я пишу любовные романы под Rammstein и точно знаю: идеальные мужчины бывают только в фэнтези. Но вот кот заговорил и мне пришлось пересмотреть эту теорию. Теперь у меня на руках Владыка Форм, который считает меня невыносимой, и роман, который я пишу под его диктовку. Он утверждает, что я — его героиня. А я утверждаю, что он — всего лишь мой ворчливый Люцик. Осталось выяснить, что страшнее: тень, что жаждет нас убить, или чувства, к которым никто из нас не готов?

© Шапеева О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Меня зовут Катастрофа	5
Глава 2. Подарок с подтекстом	9
Глава 3. Хвостатый критик	16
Глава 4. Инцидент с пылесосом	20
Глава 5. Гончая Пустоты в подворотне	23
Глава 6. 1. Голоса в голове	26
Глава 6. 2. Голоса в голове	29
Глава 7. Я не твой питомец	31
Глава 8. 1. Вторжение	34
Глава 8. 2. Вторжение	36
Глава 9. Пациент с аристократическими замашками	39
Глава 10. 1. Беглецы	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Оксана Шапеева

Люцик, я не твоя героиня!

Хроники Археоморфа

Глава 1. Меня зовут Катастрофа

Доброе утро, Катерина! Вот тебе и тридцать два! — подумала я, глядя на потолок, а затем повыше натянула одеяло.

Никогда не любила свой День Рождение. Во-первых, он приходился на осень, когда самая жаркая пора позади, а впереди только серость, слякоть и уныние. Температура за окном резко понижается и в квартире становится зябко и промозгло. К тому же этот день напоминает мне о том, что я не хотела бы помнить. Время вообще безжалостная вещь. Даже самые бесчувственные палачи не так страшны, как оно.

Когда тебе двадцать, то ты мечтаешь к тридцати занять большой дом, крепкую семью и любимую работу. Но жизнь происходит не по плану. Тебя испытывают, проводят по ухабам. И в конечном итоге всё разворачивается так как бы ты никогда не намечтал.

Работа менеджером в Технопромснаб выпивает все соки, практически не оставляя возможности на творчество. Хотя я не оставляю попыток и продолжаю писать любимые романы по ночам.

Я поднялась, нацепила футболку с логотипом Linkin Park, широкие штаны с котиками, тапочки-монстры и ободок с кошачьими ушками. Включив любимый плейлист с легендарными рок-хитами, я отправилась приводить себя в порядок.

Аромат кофе разносился терпкими горчинками по всей квартире. Это придавало надежды, что сегодня приключится что-то интересное, пусть даже и не со мной, а с моими персонажами.

Жизнь своих героев я прописываю куда лучше, чем обходится со мной моя судьба. И пусть идеальные мужчины существуют только в моих романах, но всё же.

Сама того не замечая, я плавно вспомнила о своей работе, которая не доставляет мне радости, Виталика, что сбежал от меня три года назад и о том, что лучше книг могут быть только книги.

С этой мыслью я обвела взглядом крохотный зал, заставленный двумя массивными книжными шкапами. Книжки с их полок так и рвались прыгнуть на пол, а то и вовсе сбежать из моего творческого хаоса. Вот и Виталик, видимо, поступил по их примеру. Раскритиковав мой борщ и глупую мечту стать известным писателем, просто ушёл, как он сам сказал «в стабильность».

За это время кто только не тыкал мне в мою «не успешную» жизнь, кто только не говорил, что пора бы забыть бывшего и войти в новое. Но дело не в Виталике. А в том, что книжные мужчины куда безопаснее реальных.

Я глотнула горячий, сладкий кофе и прикрыла глаза чуть ли не замурлыкав. Если бы у меня были лапы и хвост, точно бы так сделала. Сразу отпускали навязчивые мысли, которые я желала бы закопать далеко, без права возврата.

Со вторым глотком я вспомнила, что в честь праздника взяла на сегодня выходной. А это значит, что мне не придётся видеть надоедливые лица коллег хотя бы один день.

Эта мысль помогла улыбнуться и заметить, что за окном сквозь скопление туч пробивается упорное солнце. А это знаменовало неминуемое вдохновение и чарующую новую историю.

Смартфон заплескал на столе, и моя улыбка сошла с лица. Я отставила кофе и ответила:

— Да. Привет, мам.

— Что это за тон у тебя? В День Рождения радоваться надо! — сходу возмутилась мама.

— Спасибо. И тебя с праздником. — выдохнула я.

Учительский характер не оставил её и на пенсии. А потому у меня порой так и просилось: «Как скажете, Елена Филипповна!»

— Ну, вот как с тобой разговаривать?! Сразу огрызаешься!

Повисла неловкая тишина. Я пыталась подавить в себе дракона, который действительно пытался огрызнуться и укусить. Но делать этого было никак нельзя, ибо у мамы давление и сердце. Поэтому приходилось бороться со своим внутренним зверем.

— Ну, ладно... — начала она первой. — Поздравляю тебя, дочка! Желаю тебе семейного счастья, детей и мужа пригожего! Я тебе скинула денежку. Посмотри себе платье какое-то женственное, без этих своих черепов и страшил. Может хоть на нормальную девушку будешь похожа. Авось кто и найдётся...

— Да... Спасибо... Ты всегда знала, о чём я мечтаю... — снова вздохнула я.

— Ну, а что?! Тебе тридцать два. Пора уже. Вон у Верочки из соседнего подъезда муж хирург в коммерческой клинике, недавно уехали в Египет, ещё и дочку вторую ждут.

Кофе показался почти прокисшим. Я скривилась и отставила.

— Ну, и что? А я тут причем?

— Я за тебя же беспокоюсь! Все твои одноклассники уже не по разу замуж вышли! — продолжала она.

— У меня есть мои романы.

— Вот именно! Так и ляжешь в деревянную коробку со своими книгами в обнимку!

— То есть ты мне предлагаешь за первого попавшегося абьюзера или изменщика выйти замуж?! Зато не одна, да? — вспыхнула я.

— С тобой невозможно разговаривать, Катерина! Ничего тебе не скажи! — фыркнула мама. — Ладно успокоишься поговорим.

И отключилась.

А я, глядя в смартфон, протянула: «Да, уж, как будто и не надо».

Неприятное тягучее послевкусие разбавила лучшая подруга.

— Катюша-а-а! Привет, любимая моя Катастрофа! — раздалось в трубке полувизгом.

И в следующие две минуты я слушала нескончаемый поток пожеланий и добрых слов. Слушала и губы сами собой растягивались в улыбке. Она знала точно как подобрать правильные слова, чтобы порадовать близкого человека.

— В общем, родная, я безумно счастлива, что мы с тобой знакомы и уже столько лет рядом друг с другом. — продолжала она, завершив калейдоскоп самых нереальных поздравлений. — И у меня для тебя есть подарок! Просто закачаешься!

— Это что за подарок такой, который надо официально объявлять? Стриптизёра что ли наняла?

— Ой, ну если хочешь могу и его заказать. Чего мелочиться то? День Рождения как-никак.

— Ну, уж нет. У меня вон сколько голых мужиков на полках, любую книгу бери. — хохотнула я.

— То в книгах... — вздохнула Галина. — Ну ладненько, часа в четыре заеду, как Боря освободится. А то моя машина в ремонте. А на руках такое просто так не принесёшь.

Когда подруга отключилась, я ещё некоторое время молча хлопала ресницами, раздумывая. Это какой же она подарок мне везёт, что его без машины никак?

Глава 2. Подарок с подтекстом

Вечером Галина ворвалась ко мне, точно ураган, с коробкой тортика. Следом зашёл её муж с огромной переноской в руках и пакетами.

— Борь, кинь пакеты там! — скомандовала она, увидев, как он растерянно встал в прихожей, а после перехватила переноску.

Борис — светловолосый, плотный мужчина в очках с дорогой оправой — кивнул мне, на ходу бросил поздравление и ретировался.

— А, да не бери в голову! У него там матч какой-то ожидается. Они с Глебом к этой трансляции готовились месяц. — махнула подруга, заметив моё ошарашенное лицо. Затем она подошла ко мне и, сияя словно начищенный колокол, торжественно заявила: — С днём варенья, Катастрофа! Знакомься!

И с этими словами она протянула мне переноску.

— Что это ещё такое? — удивилась я, хватаясь за ручку и бросая осторожные взгляды на того, кто сидит внутри.

— Он заменит тебе мужика! — хохотнула подруга и скрылась в кухне.

До меня донёсся щелчок кнопки электрического чайника и шипение. И пока подруга разбиралась с чаем, я медленно опустила переноску на диван.

— Галь, ты с ума сошла? — чуть слышно возмутилась я. — У меня фикус еле выживает!

— Фикус — не мужик. А этот красивый, наглый и ходит в лоток. Разве не идеал? — хохотнула она, выглядывая из проёма.

— Я не готова к ответственности! — возмутилась я, но Галя махнула рукой, схватила пакеты и потащила в зал. С опустошением каждого я всё больше понимала, как сильно готовилась подруга. Вскоре на полу появился стартовый набор кошатника: лоток, миски, пакет корма премиум-класса.

— Ты три года сидишь в четырёх стенах с ноутбуком. Ответственность тебе не помешает. — ответила она.

— Да, если бы я хотела, то давно оставила у себя тех несчастных котят, которые периодически появляются у подвала нашего дома! Или ты думаешь, я просто так им дома ищу?

— Ну, такого кота ты на улице точно не найдёшь. И потом, может, уже пора перестать прятаться в своих романах? А то после Виталика ты совсем в себя ушла!

Ох, и зря она это сказала.

Я ощутила, как что-то кольнуло меня под рёбрами, выпуская дракончика.

— Да что вы все привязались ко мне с этим придурком?! Виталик, Виталик! У меня День рождения или у кого?! — вспыхнула я.

— Мама опять, да? — начала Галина и тепло обняла меня. — Ладно, не дуйся. Просто я волнуюсь за тебя. Поэтому пусть хоть кот будет, если с мужиками не клеится.

Я выдохнула, чувствуя, как иголки опадают, оставляя мою душу почти раздетой. За это я и любила подругу. Она хоть и не полностью разделяла моих взглядов на жизнь, но поддерживала больше, чем кто-либо другой. А быть рядом — это одно из самых ценных умений, коим обладают отнюдь не все.

— Ну давай, выпускай зверя! — произнесла подруга, расцепляя объятия.

Я вгляделась сквозь решетчатую дверцу, с опаской потянув пальцы к замку.

— Если он меня съест, то это будет полностью твоя вина! — бросила я и открыла переноску.

Кот появился не сразу, будто выжидал. Но когда он неспешно вышел наружу, я поразились. Да, это был мейн-кун, однако мне показалось, что даже для такой породы он великоват. Прямо гигант какой-то. Огромный, черный, размером с небольшую собаку. Шерсть густая,

дымчато-чёрная с серебристым отливом. На ушах кисточки, тяжёлая «грива» вокруг шеи и мощные лапы.

Кот не прятался, не прижимался к дивану и не озирался испуганно, как это обычно бывает. Он просто вышел из клетки, сел рядом и медленно обвёл взглядом квартиру, словно пришёл её покупать. Ещё и выражение такое сделал, будто ему совсем не понравилось то, что предложили.

Я поймала на себе этот взгляд — янтарный, почти металлический, с вертикальным зрачком, который, казалось, оценивал ремонт по десятибалльной шкале и при этом ставил двойку.

Если бы я жила в книге, то этот чёрный гигант точно не был бы простым котом. Он, скорее, демон во плоти. Та же осанка, то же выражение морды.

Я протянула ладонь. Обычно кошки принимают. Особенно к новому запаху. Либо просто шипят и бьют лапой, если не готовы к знакомству или даже напуганы. Однако этот кот поступил иначе. Он просто отвернулся. И я почти уверена, что он попытался закатить глаза. Затем этот чёрный демонёнок поднял лапу и принялся её вылизывать с таким видом, что нам с Галей стало понятно — я ему абсолютно не интересна.

— Видишь? Вылитый твой бывший. Только шерсти больше. — хохотнула подруга, на что я лишь хмыкнула. — Ты знаешь, заводчица назвала его как-то пафосно. То ли Азazelло, то ли Люцифер...

Галина нахмурилась, вглядываясь в кота так, будто у него на шерсти должно было проявиться его имя.

— Люцифер? Серьёзно? — фыркнула я, вглядываясь в подарок. Почти мгновенно в моей голове всплыл образ главного антагониста ещё недописанного романа.

— А ведь в моей книжке есть похожий персонаж. Люциан. Демон, Владыка Тьмы, страшный, красивый и всех презирает. Я его списала с мужчины, которого не существует. А тут — ну вылитый он. Только в шерсти.

Подруга хмыкнула и потёрла нос. Так она делала каждый раз, обдумывая мысль.

— Решено! — продолжала я. — Будешь Люциком. Маленький, пушистый Владыка Тьмы!

Кот замер, дёрнул ухом — то ли от нового имени, то ли от того, что муха пролетела. А затем продолжил вылизывать лапу.

Галина, глядя на всё это, не сдержалась и хохотнула:

— Люцик — это сильно. Надеюсь, он не начнёт требовать поклонения.

— Ага, и подношений в виде миски корма, рыбы и мяса. — посмеялась я в ответ, а затем повернулась к коту. — Привыкай, мой дорогой. Ты теперь живёшь с писательницей. А у меня все имена со смыслом, даже имена питомцев.

— Ладно, — начала Галина немного погодя, когда мы переместились на кухню. — Корм вот, лоток сюда.

Пакет с кормом переместился в нижний шкаф, а лоток в тёмный угол прихожей.

— И да, Катюш, к ветеринару запишись. Прививки, конечно, у него есть, но не помешает проверить.

Она говорила, и я узнавала подругу. Стоматологи — они ведь такие, ответственность и проверка здоровья превыше всего, даже если это здоровье твоего питомца.

— Так, вроде, ничего не забыла... — добавила она, оглядывая пустые пакеты.

Пока Галя погружала меня во все прелести хозяина пушистого Люцика, я разливала по кружкам чай и нарезала торт. Он оказался свежий, мягкий, из той самой любимой кондитерской на углу, куда мы частенько заходили. Нежнейший крем, орехи, в меру пропитанные коржи и мои любимые сладкие вишенки.

Мы пили чай, наслаждались произведением кондитерского искусства и обсуждали Люцика, который до сих пор сидел в зале и даже не подошёл к миске с кормом. И я просто радовалась моменту. Даже если не любишь свой день рождения, близкие люди способны устроить тебе праздник. И для этого порой достаточно только тепла.

— Ты представляешь, — продолжала Галина, — мои неугомонные и вредные жуки опять разнесли всю детскую! Ну, сколько можно, а?! Ладно, я уже привыкла, что игрушки держатся максимум неделю, но обои, Кать! Они изрисовали стены черными фломастерами, а потом выкрасили кровати зелёной гуашью!

— Ну они дети, Галь! Тем более в два года.

— Нет, они не дети, они просто мелкие вредители, которым отец разрешает всё подряд!

— Он просто их очень любит.

— Любовь — это не повод создавать мне хаос! И вообще, Катюш, если решишь рожать, молись, чтобы у тебя не было близнецов. Ибо один ребёнок — это беспорядок, а когда их два, то всё, сумасшедший дом. Ещё и Борька со своей дрелью мне весь мозг вынес. Купил новую и теперь ходит, сверлит всё подряд. У нас, оказывается, и полки не так висели, и шкафы, и вообще как мы жили без этой дрели. Удивительно, что ещё потолок на нас не упал, а то, может, и там всё плохо.

Она говорила, а я улыбалась и пряталась за чашкой чая. Слишком уж отчётливо я понимала, что похожая ураганная семейная жизнь мне никогда не достанется.

Но эту пропасть мне преодолеть не под силу. Потому что пропасть эта находится внутри меня. Если я не люблю, если я не уверена на сто двадцать процентов, то не согласна на отношения, семью и жизнь. А уж глупые сайты знакомств, сводничество и капанье на мозги — это лишний повод поругаться со мной. Мой мужчина, если будет надо, найдёт меня и за компьютером, и на презентации романов. А если нет, то меньшего не нужно. Какой смысл, если мужчина не умеет добиваться, не готов рискнуть всем ради любви? Или даже просто не хочет... Значит, это всё не моё. Значит, я буду там, где мужчины умеют совершать настоящие поступки. И это любовные фэнтези-романы.

Мы долго говорили, смеялись и обсудили, кажется, всё на свете. Галя не отпускала замечаний на мой задумчивый вид, хотя всё замечала. Слишком уж хорошо мы знали друг друга. И перед уходом Галина всё же добавила. Но без давления, как это делала моя мама, а легко и ненавязчиво.

— Знаешь, Кать, настоящие мужики тоже гадят в тапки и орут по ночам. Так что считай, что у тебя теперь есть идеальный сожитель. Без храпа и без претензий к борщу.

И где-то между строк я уловила: «Распробуешь, привыкнешь, а там глядишь и что-то поменяется».

После этих слов она чмокнула меня в щёку, махнула коту, который умудрился взглянуть на неё так, будто глядел с трона, а затем вышла.

Коридор заполнила тишина, густая и почти звенящая. Я прислонилась к закрытой двери и протяжно выдохнула.

Я вернулась в комнату и глянула на Люцика. Да, у меня никогда не было котов такой породы, но казалось, что все они так или иначе ведут себя одинаково. Этот же не ходил по дому, не обнюхивал углы, а просто сидел на подоконнике и смотрел в окно. Я подошла к нему и протянула руку, но не коснулась шерсти.

— Ну что, Люцик, корм и лоток ждут тебя. Надеюсь, прошлые хозяева успели воспитать тебя, чтобы ты не гадил, где попало...

Кот резко обернулся, зыркнул острым взглядом, а затем снова отвернулся.

— Какой ты необычный! — хмыкнула я. — Ну ладно...

Моя ладонь медленно опустилась на его густую гриву и нащупала толстый ошейник с массивным камнем. Задержалась немного на нём, а после прошла по шерсти. Я опасалась, что он из тех нелюдимых котов, которые никого к себе не подпускают, а получить удар когтистой лапы такого размера не хотелось вовсе. Однако Люцик не двинулся. Только пошевелил усами и принюхался. Когда я поняла, что опасаться мне нечего, то погрузила пальцы чуть

глубже в шерсть. Она была настолько приятной, что вместо кота я сама чуть не замурлыкала. А этот вредина так и сидел неподвижной статуей. В итоге, плюнув на упрямого питомца, я отправилась к ноутбуку.

Писательство для меня точно таблетка. Прекрасно отвлекает и переключает тумблер с тревожности на мечтательность. А порой бывают такие сюжеты, что о реальной жизни на какое-то время забываешь вовсе.

Меня ждал недописанный черновик и крайне важная сцена. Поэтому, отбросив ненужные мысли, я погрузилась в текст:

Миллиада обошла ритуальные символы. Она не знала наверняка, сработает ли, но это была единственная возможность вызвать демона Люциана. И даже если не получится или придёт кто-то другой, она будет знать, что попыталась.

—Именем Археоморфа заклинаю...— произнесла я вслух и улыбнулась. Звучало достойно для заклинания вызова. Однако в это мгновение мой кот резко обернулся. Я почти нутром ощущала, как он напрягся и стал ещё серьезнее.

— Нет, наверняка совпадение. — Отмахнулась я и продолжила писать.

«Именем Археоморфа заклинаю, приди...»— начала я, но тут о себе снова дал знать Люцик. Он резко подскочил с подоконника и прыгнул прямо на мою клавиатуру. Вот гадость пушистая!

Клавиатура жалобно пискнула под его весом.

— А ну брысь! Я тут работаю вообще-то! — возмутилась я и попыталась его сдвинуть. Не тут-то было. Эта махина словно приросла к ноутбуку, а затем как ни в чём не бывало грациозно расположилась всей своей тушкой на рабочий стол, закинув при этом свой размашистый хвост прямо на экран.

— Просто замечательно! Может, ещё будешь диктовать мне заклинание вызова? Видимо, ты теперь мой редактор! — бросила я, вглядываясь в чересчур потемневшие глаза Люцика, которые почти потеряли свой янтарный блеск.

Но кот молчал и двигаться не собирался. Тогда я нажала на кнопку и выключила ноутбук.

Нет, так нет. Пойду тогда чай заварю, раз пушистая пакость работать не даёт.

Чтобы дойти в кухню, мне было необходимо пройти через прихожую. Обычно я никогда не обращала внимания, но на этот раз что-то поменялось. Я сделала пару шагов и боковым зрением зацепилась за зеркало в прихожей. Обернулась и похолодела. За плечом моего

отражения промелькнула мутная тень. Я глянула за плечо — ничего. Затем снова вгляделась в своё отражение. Всё как обычно. Девушка с растрёпанными волнистыми волосами, футболка с принтом любимой группы и штаны с котиками. А в зале сидит Люцик и пристально наблюдает за всем этим безобразием.

Видимо, слишком перенервничала. Теперь кажется невесть что.

Мой день рождения плавно подошёл к своему завершению. За окном моросил дождь, который в ночи был почти незаметен.

Я достала из шкафа халат и отправилась в ванную. По мере того, как я освобождала себя от одежды, становилось всё не комфортнее. Я повернула голову и встретилась глазами с заинтересованным взглядом Люцика, который успел добраться до проёма двери ванной комнаты. Стало не по себе, и я резко прикрыла оголившуюся грудь.

— Ну, уж нет, дорогой дружок! Мы с тобой ещё недостаточно знакомы! И спать будешь на своём лежаке!

Бросила я и чересчур резко захлопнула дверь. Я надеялась на разумность питомца. А то уж больно странным казался мне он. Но я списывала это на особенности породы.

Чтобы после ванны быстрее уснуть, я включила «Nemo» Nightwish в наушниках. Это помогло, и я отключилась почти сразу. Однако ночью проснулась. Мне снился какой-то тревожный сон. Снилось, как тень чёрного волка обернулась в орла, а затем в дракона. Дракон метался, а после от него отделилась тень пантеры. Она заметила меня и стала нападать. Это казалось настолько реальным, что страх пробрал до пяток. Я проснулась в самый последний момент, когда когти пантеры почти дотянулись до моего лица.

Я подскочила на кровати и ощутила холодный пот. Выдохнула. А в следующее мгновение взглянула на подоконник. Люцик сидел и смотрел прямо на меня, не отводя глаз. В темноте мне показалось, что его янтарные глаза стали алыми. Сердце пропустило удар. Я моргнула, и алый блеск исчез, будто и не было. Остались лишь чуть поблёскивающие янтарные огоньки.

— Показалось. Или в моих романах демоны тоже так в темноте светятся? Нет, бред. Это просто кот.

Я снова опустила на подушку и повернулась на другой бок. Кот же продолжил смотреть в окно, словно долго и упорно ждал кого-то. А я лежала и думала: «Ну, с днём рождения, Катастрофа. Теперь у тебя есть кот по имени Люцик, параноидальные мысли и полное отсутствие личной жизни. Впрочем, как и раньше. Но теперь хотя бы есть кому составить компанию за завтраком. Если он вообще снизойдёт до корма, который Галя купила».

Глава 3. Хвостатый критик

После тревожных снов я должна была чувствовать себя выжатой как лимон. Однако проснулась я на удивление отдохнувшей. В окно робко прокрадывались нити солнечных лучей, оповещая, что день ожидается сухим и ясным. Лишь одно меня насторожило. Я чётко ощущала чьё-то присутствие. Словно квартира заполнена тяжёлым газом, придавливая меня к стенам.

Я встала и огляделась. Никого. Боже, да ведь у меня же теперь питомец! Странный, упрямый и чересчур умный кот!

Мой утренний ритуал с любимым кофе придавал сил. А сегодня они мне понадобятся. Ведь я наконец решила настоять на переходе на полную удалённую работу. Каким выйдет разговор с руководством, я не знала, но ощущала решимость.

Я вышла на кухню и замерла. Люцик сидел у холодильника и не сводил с него глаз. — Ты там медитируешь на технику, что ли? Мои губы тронула лёгкая улыбка. Однако кот не отреагировал. Тогда я прошла к миске с кормом. Она стояла нетронутой. Я достала пакет и дополнила её до краёв. А то кто знает, бывают своенравные хвостатые, которые принципиально не едят, если миска полупуста. Люцик обернулся, медленно прошёл к миске и понюхал. Но есть не стал, вернувшись к холодильнику. — Ну, знаешь ли! — фыркнула я. — Лосося у меня нет. Я тебе тут не миллионер вообще-то! Кот взглянул на меня так серьёзно, словно я посмела обидеть его, насыпав обычный сухой кошачьей еды. А затем необычайно низко издал «мрр» и вышел прочь.

Я махнула рукой на вредного Люцика. До работы оставалось пару часов, а потому мне хотелось провести их с пользой для себя и своего романа. А точнее успеть добить злосчастную главу с вызовом демона.

Я села за ноутбук, достала рукописные черновые наработки и задумалась.

На повестке стояла ключевая сцена «Академии Тёмной Магии»: героиня Миллиада должна была провести запрещённый ритуал призыва демона-наставника, которого отправили в огненные земли за нарушение договора. Миллиада знала, что его подставили. Как и знала, что с заговорщиками одна не справится. Во время написания текста я любила проговаривать вслух места, где особенно ярко и вкусно получались сцены. А потому по старой привычке начала читать вслух: «Кровью Первозверя заклинаю, именем Археоморфа, владыки четырёх Аспектов...» На слове «Археоморф» Люцик, до этого мирно спавший на подоконнике, резко поднял голову и насторожился. Его уши встали торчком, а глаза словно стали ярче. Я ушла в текст с головой — так бывает, когда сцена наконец-то «дышит», и слова сами встают на нужные места, поэтому не придавала значения реакции кота. Миллиада выводила руны мелом на каменном полу запретной секции библиотеки. И я диктовала себе вполголоса, как делаю всегда, когда правлю диалоги:

— «Кровью Первозверя заклинаю... именем Археоморфа, владыки четырёх Аспектов... Огонь, Вода, Земля и Тень — покоритесь зову!»

На слове «Тень» я сделала драматическую паузу и потянулась к кружке с остывающим кофе. В этот момент краем глаза я заметила движение: Люцик, до того спавший на подоконнике с видом сытого султана, беззвучно спрыгнул на пол. Я не обратила внимания — коты вообще странные, а этот страннее прочих. Я просто продолжила вычитывать описание рунного круга, бормоча про радиусы, углы и последовательность стихий, которую сама же и придумала.

Люцик подошёл к столу. Не запрыгнул, не потёрся о ножку — просто сел рядом и посмотрел снизу вверх на мои разложенные листы. Я мельком глянула на него: «Что, критик, не нравится? Подожди, я ещё до кульминации не дошла».

Он моргнул, не издав ни единого звука. А затем — одним плавным, почти человеческим движением — поднял лапу и смахнул стопку рукописных пометок. Листы взметнулись веером:

описания ритуала, зарисовки рунного круга, заметки на полях — всё полетело на пол, шурша и переворачиваясь.

Я замерла, точно поражённая заклятием из собственной книги. На экране ноутбука ещё светился абзац про «Археоморфа», а на полу уже лежали плоды двухнедельного труда.

— Ты... ты что творишь?! — возмутилась я, переводя взгляд с кота на бумажный хаос и обратно.

Люцик не шелохнулся. Он сидел, обернув хвостом лапы, и смотрел на меня, не мигая, будто ничего и не случилось. В его янтарных глазах читалось не раскаяние, не игривость, а спокойная, уверенная правота. Будто он только что закрыл бракованный проект и ждал, когда сотрудник переделает.

Я открыла рот, чтобы возмутиться, но замерла, заметив, куда именно приземлился верхний лист. Это была страница с тем самым обращением к Археоморфу. И прямо поперёк моих старательно выписанных рун теперь красовался отпечаток кошачьей лапы — идеальный, как печать.

— Ладно, — медленно проговорила я, глядя на этот отпечаток. — Может, ты и прав. Ритуал был так себе.

Кот по-прежнему глядел, не мигая. Потом перевёл взгляд на экран ноутбука, где светился текст ритуала, и неожиданно издал шипение — низкое, утробное, совершенно не кошачье. Я замерла, не ожидая подобной реакции. Но потом фыркнула: — Тебе не нравится ритуал? Может, ты мне ещё и правки предложишь, редактор ты мой своенравный? Но Люцик не ответил. Просто развернулся и прыгнул обратно на подоконник, всем своим видом показывая: «Я сделал, что мог». Ну и удружила же мне подруга! Такого вредину подарила, просто слов нет. И, может, все мужчины такие несносные... Размышляла я, собирая разбросанные листы. До работы хотелось закончить ненавистную сцену. Поэтому я собралась с мыслями и снова села за ноутбук, решив на этот раз убрать обращение к Археоморфу. А то, кто его знает, может, у Люцика просто реакция такая на некоторые слова. Мне второй раз такого не надо. И я снова начала печатать:

«Тенью к Тени, кровью к крови, призываю Хранителя Порога, Владыку тьмы. Приди! В центре рунного круга вспыхнул огонь. Откуда ни возьмись ворвался ветер, зацепившись за волосы, а затем подхватил языки пламени. Они взметнулись к потолку, высвобождая силу, которую она раньше не знала. Ткань реальности пошла трещинами, высвобождая тонкую смесь густого дыма, пепла и озона с мятными нотками. Миллиарда ощущала, как проём становится шире, а запах гуще. Через мгновение перед девушкой возвышался он — Владыка Тьмы, Люциан в полном своём облачении со струящейся тенью за плечами и глазами, наполненными тьмой».

Я писала и сама не заметила, как втянулась. Строчки ложились странно легко и свободно. В итоге через полчаса перед моими глазами была готовая сцена. Я перечитала её и уловила, как по коже пробегают мурашки.

— С ума сойти! Я такого никогда не писала. Это... круто. Но откуда? Откуда эти подробности? Откуда я знаю, как пахнет магия при разрыве ткани реальности? — вслух поразилась я и покосилась на пушистого Люцика. Тот мирно лежал на тёплом подоконнике, нагретом солнцем, и жмурился от света, как самый обычный мейн-кун. Не осталось ни следа его потустороннего величия и странного поведения. — Господи, Катастрофа, ты начинаешь верить, что кот диктует тебе романы. Дожила... — пробормотала я и принялась собираться на работу.

Перед уходом я подошла к Люцику и прошла ладонью по его густой шерсти. Тот по-прежнему лежал, делая вид, что спит.

С работы я приехала на полном эмоциональном подъёме. Безумно боялась разговора с руководителем, но всё вышло куда лучше, чем я ожидала. Хотя коллеги и пытались поддеть. Но меня так просто не возьмёшь. В итоге домой я добралась радостная и довольная, как сытый кот.

Мысль о коте заставила чуть встревожиться. Не хотелось, чтобы подаренный питомец скончался от истощения, потому что я — нерадивая хозяйка — не знала, как кормить упрямого Люцика.

Я зашла в квартиру, проверила корм. Миска по-прежнему стояла нетронутая.

— И что тебе надо, вредина?! Корм премиум-класса! — вздохнула я и поплелась к холодильнику.

Если мой кот голодает из чистого упрямства, то это не значит, что я должна следовать его примеру. Однако открыв холодильник, я заметила странное: на верхней полке мирно лежала себе вакуумная упаковка слабосоленого лосося. Но я точно помню, что не покупала его. Слишком уж дорогое удовольствие выходит. Последний раз я брала такую рыбу месяц назад, для праздничного стола.

Я достала упаковку и повертела в руках. Настоящая. И дата свежая.

Наверное, я начинаю сходить с ума, раз появляются вещи, о которых я не помню. Или это осязательные галлюцинации?

Пока я рассматривала рыбу и раздумывала о собственной психической невменяемости, в кухню вошёл Люцик. Он вальяжно прошёл ко мне, словно вышагивая по дворцу, и после просто сел у ног. Кот поднял на меня свои ярко-медные глаза и низко, гортанно издал не простое кошачье «мяу», а требовательное «мррау».

— Люцик, ты что, лосося наколдовал? — пошутила я, но по коже от собственной шутки пробежали мурашки. А кот продолжал сидеть у ног, перемещая взгляд с меня на упаковку и обратно. Это выражение морды было красноречивее любых слов. И до того он выглядел забавно, что я не удержалась и хихикнула:

— Ладно, твоя взяла. Половина — тебе, половина — мне. Гонорар за редактуру.

Я отрезала кусок. И, о чудо! Люцик снизошёл, наконец, до еды. Теперь, по крайней мере, он не умрёт голодной смертью. Хотя бы пока.

Я смотрела на то, как он уплетает рыбу, спокойно, словно не по-звериному. И в голове откладывалась мысль о том, что Люцик не попрошайничал, как любой другой кот, не тёрся о ноги. Он просто ждал, когда ему отдадут должное. Как будто знал, что лосось — его по праву.

— Нет, бред какой-то! Это просто умный кот. Очень умный.

Чтобы отбросить тревожные мысли о странностях, я села за ноутбук и весь вечер провела в новом романе. Выходило легко и вкусно, отчего спать я легла поздно, но быстро уснула. Вот только посреди ночи мой сон прервал тихий, противный звук. Такое бывает, если кто-то пытается скрести по стеклу. До зубов пробирает. Брр.

Я поднялась и прошла к окну. Люцик снова сидел на подоконнике и глядел на улицу. На тёмном небе сияла полная луна. Она казалась такой яркой, что свет от неё заливал всю комнату. А шерсть кота будто серебрилась под этим потоком.

Мои руки сами потянулись к Люцику. Хотелось погладить его и взять на руки. Однако коснуться шерсти я не успела, замерев на месте. В лунном свете глаза мейн-куна вдруг потеряли янтарный отлив, став чисто алыми. Его вертикальные зрачки глядели на меня, отчего мне снова стало не по себе.

Он не убирал глаз, не ёрзал, не ластился. На мгновение мне показалось, что я вижу вовсе не кота, а нечто огромное. Это нечто имело крылья и отражалось в стекле позади него. Я поёжилась от дрожи и моргнула. В следующее мгновение передо мной снова сидел обычный мейн-кун. Алый отблеск в глазах погас, сменившись на привычную желтизну. За окном — никаких странных отражений, только пустая московская ночь.

Я прерывисто выдохнула и медленно попятилась. Сердце колотилось так, будто хотело выпрыгнуть из грудной клетки.

— Нет, это всё не правда. Это просто луна. Свет так упал. И отражение — просто ветка за окном. Я перерабатываю. Нельзя до поздней ночи писать фэнтези-роман про демонов и тёмную академию!

Я вернулась в постель и долго лежала без сна. Просто пялилась в потолок, уверяя себя, что все странности связаны с чистой усталостью и нервным перенапряжением. Однако где-то на грани сознания всё же билась тревожная, но странно манящая мысль: «А что, если в моих книгах больше правды, чем я думаю?»

Я закрыла глаза и заставила себя дышать ровно. Это просто кот. Просто очень умный, наглый, лососелюбивый кот. А всё остальное — моя писательская фантазия, которая, кажется, окончательно вышла из берегов. Правда ведь?

Глава 4. Инцидент с пылесосом

Субботнее утро я решила провести активно. А вернее, навести наконец порядок в квартире. Вчерашний творческий марафон оставил после себя горы бумаг, крошки от печенья и слой кошачьей шерсти на всех поверхностях. Люцик линяет с аристократической щедростью, к чему я совсем не была готова. Хотя я, в принципе, не была готова к питомцу с такой массивной волосатостью.

В колонках играл любимый плейлист, и я, напевая «Amaranth» Nightwish, нещадно сгребала черновики в шаткую стопку. Затем достала из кладовки пылесос — старый, тяжёлый, ярко-оранжевый монстр, доставшийся ещё от мамы. Машина та ещё, зато работает будь здоров. Даст фору многим новым красавчикам.

Люцик же, как настоящий кот, просто дремал на подоконнике, свернувшись в идеальный чёрный бублик, который так и хотелось потискать. Солнце грело ему бок. Жизнь прекрасна.

Я воткнула вилку в розетку, нажала кнопку, и пылесос ожил с утробным, надсадным воем, какой бывает только у советской техники, пережившей несколько поколений. И в тот момент мне стоило бы помнить, насколько сильно кошки боятся этих машин по борьбе с пылью.

Естественно, реакция Люцика не заставила себя ждать. Она была мгновенна и до кончиков ушей катастрофична. Кот не просто подпрыгнул — он взлетел на метр вверх, выгнув спину, распушив хвост до размеров енота. Дымчато-чёрная шерсть встала дыбом по всему телу от ушей до кончика хвоста. Глаза вспыхнули — не янтарём, не алым, а раскалённо-белым, как магний.

Однако я этого не видела, направив всё внимание на пылесос. Я наклонилась к нему, пытаюсь понять, почему он воет громче обычного.

— Возможно, уже забился...

В этот самый момент Люцик издаёт звук — не шипение, не мяуканье, а низкий, вибрирующий рокот, от которого дребезжат стёкла в серванте. Воздух в комнате становится плотным и холодным.

Пылесос вместе со всем содержимым взрывается. Не загорается, не искрит — а именно взрывается: пластиковый корпус разлетается на куски, мешок для пыли лопается серым облаком, мотор с хлопком выбрасывает сноп искр. По комнате проносится волна жара и запаха горелой пластмассы.

Я отшатываюсь, заслоняя лицо ладонями. Осколок пластика чиркает по руке, оставляя неглубокую царапину.

Открыв глаза, я понимаю. Это больше не моя квартира — это поле боя. Пылесос мёртв. На полу — чёрное пятно копоты. В воздухе висит дым. Люцик сидит на подоконнике, свесив хвост, и вылизывает лапу с выражением глубочайшего безразличия. Ни пылинки на шерсти.

Я смотрю на него, пытаюсь осознать произошедшее. А кот просто поднимает голову и встречает мой взгляд. В его глазах мне так и видится фраза: «Я предупреждал».

Но предупреждал ли? Я не помню. И вообще, ничего не понимаю.

«Короткое замыкание. Просто короткое замыкание. Пылесосу сто лет, он же совсем древний! Ещё удача, что он и столько проработал, — раздумывала я, обрабатывая рану. Перекись шипела, а я стискивала зубы от жжения. К тому же проводка старая. Получается, я сама виновата — надо было выбросить его ещё в прошлом году. Кот тут ни при чём. Коты не взрывают пылесосы. Это бред. Это просто смешно. Коты не...»

Я запнулась, когда мой взгляд зацепился за Люцика. Тот сидел на том же подоконнике, грея свой пушистый бок. Никаких следов потустороннего ужаса. Просто большой чёрный кот.

Я протяжно выдохнула и заключила, скорее убеждая саму себя: «Короткое замыкание. И точка».

Давно пора купить новый пылесос. А то это громадина и места слишком много занимала. Поэтому решено: мне нужен маленький тихий аппарат. Может быть, даже робот. Но исключительно для того, чтобы не нервировать кота. Да, именно поэтому.

Каким-то чистейшим чудом мне удалось убрать весь кавардак дома. Нет, ну как это называется? Собралась прибраться, а сделала только хуже. Так могу только я. Хорошо хоть Галя выручила, привезла небольшой ручной моющий аппарат. Как она сама сказала: «затестить», мол, если понравится, то я буду знать, что надо приобрести. И, знаете, действительно удобная штука. А главное, не шумит. Люцик даже не обратил внимания, когда я принялась разгребать последствия взрыва.

Только благодаря этому хаос в квартире удалось победить достаточно быстро. И вечером с чувством голубоокого удовлетворения я снова села за любимое рабочее место.

Рука после получения царапины слегка беспокоила, но это не мешало мне печатать. А потому без колебаний я открыла черновик «Академии Тёмной Магии».

Мне предстояло написать сцену с героем-демоном, профессором Алагором, которого удалось вернуть после ссылки в огненные земли. По задумке он должен быть абсолютно бесстрашным: повелитель теней, владыка страха, существо, которое не боится ничего.

Однако когда я коснулась клавиатуры, то неожиданно для себя вывела совершенно другой абзац: «Алагор замер на пороге лаборатории. В углу, тихо жужжа, стоял артефакт Смертных — пылесборник. Демон сузил глаза. Что-то древнее, инстинктивное шевельнулось в груди. — Уберите это, — процедил он. — Уберите немедленно».

Я молча перечитала, пробуя на вкус получившееся. А в следующее мгновение захохотала в голос. Идея о том, что могущественный демон боится пылесоса, показалась настолько гениальной, что эмоции вырвались сами собой. Я дописала главу и улыбнулась, ощущая, как в груди разливается тёплое удовлетворение.

«Это определённо внесёт в образ изюминку. Уязвимость, человечность — это то, что делает персонажа живее. Надо обязательно оставить этот абзац», — решила я и покосилась на Люлика. Тот уже не спал, а внимательно следил за мной с излюбленного подоконника, не отводя взгляда. В его янтарных глазах так и читалось: «Я не боюсь пылесосов. Я их уничтожаю. Это разные вещи, смертная».

Хорошо хоть на этот раз он не стал мешать моему творческому процессу. И на этом спасибо!

Когда ты занимаешься любимым делом, вечер наступает незаметно.

Перед сном я снова обработала царапину. К счастью, тревожные мысли ушли на второй план, ибо в голове крутились только планы на новую главу. Книга шла легко, что радовало меня и вдохновляло. К тому же это исцеляло мои нервы. Именно поэтому я любила состояние полного погружения в процесс. Это помогает освободиться от ненужного мусора в голове. А после даже жить становится легче.

Я уже укрылась одеялом, когда Люцик, вопреки своему обыкновению спать у окна, забрался ко мне. Он запрыгнул, и постель продавилась под его весом. Медленно, но уверенно ступая по мягкому матрасу, он разместился в моих ногах — необычайно тяжёлый и тёплый.

От неожиданности я почти прекратила дышать, лишь бы не спугнуть его. Но он не только не ушёл, но ещё и начал мурлыкать. Этот звук мгновенно расслабил меня и убаюкал. Я чувствовала, будто нахожусь в невидимом коконе, и некто незаметно окутывает меня своей прочной защитой и мягкой заботой.

Я заснула с мыслью, что мой демон-профессор получился восхитительно живым. А кот — слишком странным. Но знаете что? После трёх лет одиночества немного странности — это именно то, чего мне как будто не хватало.

И то ли от пережитых волнений, то ли от полученных впечатлений, но мне приснился странный и до коликов смешной сон. В нём был огромный чёрный зверь с крыльями, он стоял над руинами пылесосного завода и всем своим видом излучал гордость за проделанное. Во сне я смеялась так, как не смеялась никогда в реальности.

Азраил-Кейран

Она уснула. Но я не спал. Мой взгляд был устремлён на далёкую вывеску, что мигала в темноте.

Уже три года я скитаюсь в теле кота, это плохо. Очень плохо. Слишком долго для археоморфа. Если так пойдёт и дальше, я полностью растворюсь в этом воплощении.

Уму непостижимо. Один из девяти Археоморфов Эмпирея, Хранитель Равновесия, заточён в тело какого-то смертного кота.

Но кто меня предал? Кто поддержал мою отколовшуюся тень?

Повея носом, я ощутил не выветрившийся после взрыва запах озона и гари. Этот всплеск силы явно не остался незамеченным. Нужно быть осторожнее. Ведь пока я заперт, пока я не могу избавиться от ошейника смирения, я не имею возможности защищать ни её, ни себя.

Но об этом я подумаю потом.

С этими мыслями я свернулся клубком в её ногах и закрыл глаза. В носу застрял запах старой квартиры, пыли и ещё чуть-чуть пахло Катиным шампунем. Это странно успокаивало.

Глава 5. Гончая Пустоты в подворотне

Катерина

Первый день после выходных должен был пройти в удалённом формате. Но, как оказалось, не всё так просто. И в понедельник меня вызвали в офис.

Пришлось приложить немало усилий, чтобы собрать себя. Внутренне я уже настроилась работать дома. Видимо, поэтому ноги не соглашались выходить за порог.

Придёт время, и я обязательно откажусь от надоедливых цифр и отчётов. Придёт время, и я останусь со своими книгами один на один. А пока надо взять себя в руки и показаться в Технопромснаб.

— О, недолго наша Катерина удалённо пыхтела. — бросила коллега Лиля. — Я же говорила, ничего не получится.

— А ты, я смотрю, очень радуешься этому. Думаешь, без меня некого будет обсудить?

Она фыркнула, но я не стала задерживаться. Я себя, конечно, в обиду не дам, но какой смысл препираться с человеком, из которого желчь так и льётся? Таким людям, что ни скажи, в любом случае уходишь словно облитый отходами человеческой жизнедеятельности. Поэтому я старалась просто исключать их из своего внимания. Фокус — только на работу, только на себя. А иначе я тоже начну пылесосы взрывать.

И то ли понедельник не задался, то ли закон подлости, но день шёл тяжело. Быстро отделаться и забрать дела на дом не удалось. Сначала сломался принтер, затем отчёт не сошёлся, а потом и вовсе позвонил разгневанный клиент. И почему именно я должна была вести с ним переговоры, мне так никто и не объяснил. В итоге домой я собралась, когда коллеги давно разошлись, а за окном опустился глубокий осенний вечер. Мелкий дождь противно барабанил по стеклу, напоминая о том, что в такое время лучше находиться дома с чашкой любимого кофе.

Голова гудела так, что ни о каких романах я уже думать не могла. Это удручало куда больше, чем завистливая Лиля, грубый клиент и сломанная техника.

Я выключила компьютер, накинула плащ и спустилась к выходу. На проходной сонный охранник дядя Коля, зевая, отсалютовал мне «спокойной ночи». Я вяло улыбнулась.

Дом находился всего в пятнадцати минутах ходьбы. Совсем близко, но в сырую погоду эти минуты ощущались целыми часами. Мелкий дождь играл свою особенную мелодию, выбивая только одному ему понятный ритм. А фонари устало клевали над мокрыми тротуарами.

Я шла привычным маршрутом: мимо детской площадки с пустыми качелями, через арку старого дома, вдоль глухой стены трансформаторной будки. Этот путь сопровождал меня последние несколько лет. Ноги сами несли меня, а в голове крутился диалог между Миллиадой и Алагором.

Я настолько погрузилась в мысли о романе, что не сразу заметила странности. Нет, эти дворы всегда были полупустыми и тёмными, но сегодня это ощущалось чересчур сильно. Ни единой души на улице, даже кошки, казалось, куда-то исчезли. Тишина буквально давила, отчего диалоги моих персонажей сбились. Я огляделась, дыша почти через раз. Собственное дыхание слышалось громче голоса.

Внезапно спиной я ощутила холодок — потусторонний, почти могильный, стало не по себе. Фантазия писателя иногда срабатывает куда лучше, чем в работе, ввергая в ещё куда больший ужас. Я обернулась — никого. Но тишина не рассеялась, наоборот, она, казалось, становилась гуще, словно вата в киселе. Звуки города стремительно отступали на второй план. Когда же фонарь впереди начал мерцать, я окончательно забеспокоилась, прибавив шаг. Однако ненадолго.

Неподалёку из тени возле трансформаторной будки отделился сгусток тьмы. Я остановилась, приглядываясь.

«Я — писатель. И моя фантазия просто играет со мной злую шутку. Это просто крупная собака. Их тут бездомных целая стая», — успокаивала я себя мысленно. Вот только тело не верило убеждениям. А ноги сами отступали назад.

Сгусток тьмы двинулся ко мне, и я поняла, что плохо себя убеждала. Ведь существо перемещалось не как животное, а как рваная, перетекающая клякса. У него не было чётких очертаний. Только угольный силуэт, горящие алым провалы глаз и пасть, усеянная не зубами, а осколками зеркал.

Последние сомнения рассеялись, когда существо издало звук — не рык даже, а высокий, зудящий скрежет, от которого заложило уши. Я отшатнулась, с силой ударяясь о кирпичную стену. В глазах от удара заплескали искры, а в голове крутилось только одно: «Этого не может быть. Я сплю. Это сон. Пожалуйста, пусть это будет сон».

Но сон не хотел прекращаться. Существо сделало несколько рваных рывков и в следующее мгновение бросилось на меня. Я вскрикнула, буквально вжимаясь в стену и заслоня сумкой лицо.

Но ничего не произошло. Я открыла глаза и заметила, как между мной и неизвестным монстром возникла чёрная тень. Прерывисто выдохнув, я вгляделась и мгновенно узнала очертания моего Люцика.

Но откуда? Дверь я точно закрывала, окна тоже. Но сейчас он стоит здесь — между мной и этой кошмарной тварью.

Однако кот хоть и походил на Люцика, одновременно разительно отличался. Казалось, я совсем его не знаю. Шерсть стояла дыбом, делая его в полтора раза крупнее. Контуры тела размывались, словно он и сам — сгусток тьмы. Глаза пылали не янтарём, а густой алостью.

Он не шипел. А лишь издал тот самый низкий, вибрирующий рокот, который я слышала перед взрывом пылесоса. Воздух вокруг уплотнился, стал ещё холоднее. Асфальт под лапами пошёл трещинами, из которых тонко сочился призрачный свет.

Тварь впереди замерла и вгляделась в кота. В её зеркальных зубах я видела отражение — но не кота, а чего-то огромного, крылатого, увенчанного рогами или короной.

Люцик сделал уверенный шаг вперёд. Существо отступило. Ещё шаг — и оно, издав короткий визг, развернулось и растворилось в той же тени, из которой вышло.

Ещё мгновение кот наблюдал за тем местом у трансформаторной будки, а затем развернулся ко мне. Фонарь поблизости помигал, словно возвращая звуки города. Я снова стала ощущать дождь и шум автомобилей, доносившийся с дороги по ту сторону дома.

Люцик смотрел на меня, не отворачиваясь, пока потусторонний свет под его ногами исчезал. Через несколько секунд всё стало прежним. Его глаза погасли, теряя алый цвет. Вернулся привычный янтарь. Шерсть опустилась, размер стал прежним. Он сел на мокрый асфальт и тихо, устало мяукнул. Обычным кошачьим голосом.

Я выдохнула, потерянно сползая по стене. Ноги отказывались держать. Я смотрела на Люцика, а тот на меня.

Это было... что это было? Кот прогнал... тень? Собаку? Мутанта? Мой кот только что прогнал мутанта-собаку. Это нормально? Нет, это не нормально. Но как я это объясню?

Мысли путались и сбивались в комок хаоса. Я протянула руку, чтобы коснуться Люцика. Шерсть влажная, тёплая, совершенно обычная. Он потёрся о мою ладонь и издал басовитое «мрр» — мол, «вставай, чего расселась».

С трудом заставив себя подняться на ватных ногах, я подхватила кота на руки. Пусть он и был по весу как средняя собака, но я прижала его к груди и почти бегом устремилась домой, стремительно и боясь оглянуться.

Оказавшись в квартире, первым делом я заперла дверь на все замки, а затем обречённо опустилась на пуфик в прихожей. Люцик уже спокойно вылизывал мокрую шерсть, сидя на коврик. Никаких следов «того самого» взгляда.

«Это была собака. Большая, агрессивная собака. Бойцовская порода. Просто в темноте показалось, что она... другая. А Люцик — он просто крутой кот. Мейн-куны вообще смелые. Мог и собаку отогнать. Да. Мог», — убеждала я себя, но внутренне почти не верила в свои слова.

Пришлось достать смартфон и забить в поиске «мейн-кун прогнал собаку». Видео по запросу нашлось почти сразу. В нём кот шипел на овчарку.

Я выключила телефон и удовлетворённо кивнула. Это всё объясняло.

Только вот... что это было за свечение? И почему асфальт треснул? И как он вообще выбрался из закрытой квартиры?

Вопросов было много, но я решила отмахнуться от них.

Сначала чай. И желательно с чем-то крепче.

С наступлением глубокой ночи произошедшее по-прежнему не отпускало. Я не могла спать. Адреналин гулял по венам. Тогда я решила применить самое действенное из лекарств — писательство. Я открыла ноутбук и вернулась к черновику.

Перед нападением я обдумывала сцену с нападением на Миллиаду. Та попала в ловушку, когда зашла в запретную секцию. Там на неё напала теневая сущность. Внезапно на помощь пришёл таинственный чёрный зверь — огромный, с крыльями, с глазами цвета расплавленного золота. Он разорвал тварь и исчез прежде, чем Миллиада успела его поблагодарить.

Я судорожно перечитала написанное. Пальцы выдавали мелкую дрожь. Но я понимала, что списала зверя-хранителя со своего кота. Вернее, с того, кого видела в подворотне.

Обернувшись, я снова посмотрела на Люцика. Тот мирно спал в кресле. Самый обычный кот. Пушистый, наглый, любящий лосось.

Это просто совпадение. Я — писатель. Я перерабатываю реальный опыт в творчество. Это называется сублимация. Никакой магии. Никаких древних богов. Просто... очень крутой кот.

С этими мыслями я закрыла ноутбук и всё-таки отправилась спать. Отдыхать необходимо, даже когда адреналин бьёт по венам, а зрение выдаёт нереалистичные картинки.

Только разместившись в постели, я ощутила, как тяжёлые лапы запрыгнули ко мне. Люцик на этот раз пришёл сам. Он устроился на моей подушке, мягко положив голову на плечо. Немного погодя кот начал мурлыкать. А я, слушая его, ощущала мягкую шерсть и чувствовала себя в безопасности — как никогда раньше.

Я заснула, уткнувшись носом в тёплую кошачью шерсть, и мне снились крылья, звёзды и голос — низкий, древний, — который говорил: «Я рядом. Спи». И я верила.

Глава 6. 1. Голоса в голове

Прошло два дня с последних событий. Царапина на руке успешно зажила, лосось в холодильнике больше не появлялся, а я почти убедила себя, что тогда в подворотне напала обычная бешеная собака. Люцик после этого больше не выказывал мне своих паранормальностей. Он вёл себя образцово. Почти. Единственное, что меня удивило, так это лоток. Да-да. Лоток.

Во вторник утром я с трудом проснулась. Тело ныло, а в голове гудел рой спутанных мыслей. Я решила, что дела по дому выдернут меня в реальность, и направилась чистить лоток. Но не тут-то было. Лоток оказался чистым. Абсолютно.

Я начала переживать: говорят, мейн-куны часто болеют. Возможны даже патологии. Поэтому, сделав основную работу, я решила свозить своего питомца к ветеринару. Но перед тем, как начать собираться, заметила одну странную вещь.

Стоя у зеркала в прихожей, я заметила, как Люцик прошёл в санузел. Я отложила тушь для ресниц и пригляделась. Кот запрыгнул на унитаз и зыркнул на моё отражение в зеркале. А затем низко, гортанно мяукнул. Тушь от неожиданности выпала из рук, тихо брякнув о полку. Я моргнула и обернулась. Люцик мяукнул снова, но уже настойчивее. Мне стало не по себе, и я с силой захлопнула дверь ванной комнаты.

Я вышла в зал и плюхнулась на диван, собираясь с мыслями.

Получается, мой мейн-кун не ест сухой корм и не ходит в лоток... Но, в конце концов, зачем переживать? Ведь коты достаточно быстро учатся. Я даже видела шоу, где дрессированных животных собирали в студии и брали интервью у хозяев. Но об этом Галя точно должна была мне рассказать. Может, забыла?

Люцик вышел, вальяжно прошёл в комнату и улёгся спать на мягкое, и, надо сказать, единственное кресло. Ничего необычного. Просто кот. Просто свернулся в клубок. Больше удивлений и странностей не происходило.

Кажется, удалённая работа крайне положительно на меня действовала. Сегодня я вернулась наконец к работе над черновиком и принялась дописывать сцену с чёрным зверем-хранителем. Та родилась почти сразу и довольно легко, словно ждала, что её напишут. Вот бы ещё чай сам собой приходил, тогда бы совсем сказка была.

Я прошла на кухню за чаем. Путь проходил через зеркало прихожей. Проскользнув мимо в первый раз, я не обратила внимания. Однако во второй раз я мельком глянула на отражение, не включая свет. Сделала шаг и нахмурилась. В отражении на этот раз что-то было не так. Я сделала шаг назад и вгляделась. Тень за моим плечом дёрнулась.

«Наверняка пыли уже накопилась», — решила я и потянулась за тряпкой.

Вернувшись к отражению, я замерла, а сердце глухо ухнуло, будто не собираясь продолжать ход. За плечом девушки в отражении стоял кто-то ещё. Далеко, в самой глубине.казалось, там не стены прихожей, а сама тьма, выросшая в горизонтальный колодец. И из самой далёкой точки на меня смотрел некто, кого я не знала.

Это был мужчина. Высокий, бледный, в безупречном чёрном облачении из движущейся тьмы. Его волосы были уложены на бок, но с лёгкой небрежностью. Глаза — зеркальные, словно вовсе без зрачков, без радужки, только холодная амальгама, в которой отражалось моё собственное испуганное лицо.

Мои руки дрогнули, но отойти от зеркала я не могла. Ноги точно вросли в пол, не позволяя отступить.

Мужчина уловил мой ужас и улыбнулся — мягко, почти дружелюбно. Однако от этой улыбки захотелось спрятаться, сжаться в комок. От спины до шеи прошёл противный холодок.

Неожиданно прямо в голове я различила чужой голос. Он будто шептал в самое ухо. Мягко и почти безэмоционально:

— Добрый вечер, смертная. Где сосуд?

Я медленно моргнула, к горлу подступил комок. Хотелось крикнуть, даже послать в конце концов, но тело не слушалось.

«Вот тебе и дописалась о демонах, Катерина!» — пронеслось в голове, после чего я ощутила, как воздух наэлектризовался. Это происходило буквально за секунды, но мне тогда казалось иначе.

Люцик появился бесшумно, точно материализовался из воздуха, из ниоткуда. Он запрыгнул на полку, отчего та жалобно скрипнула. Теперь между мной и зеркалом стоял мой кот.

Шерсть его вздыбилась, контуры тела поплыли, а глаза засияли алым. Он глядел на мужчину в отражении так, словно точно был готов вгрызться ему в глотку. И вместо шипения Люцик снова издавал тот низкий, вибрирующий рокот, от которого не выдержало даже стекло в рамке, пойдя мелкими трещинами.

Однако мужчина в зеркале даже не дрогнул. Он перевёл взгляд на кота, и улыбка с открытыми нотками безумия обрамила его бледное лицо.

— Азраил. Ты так предсказуем. Прячешься за юбкой смертной. Это даже трогательно.

После этих слов мнимая дружелюбность спала, уступая место жадному, почти бешеному взгляду.

— Отдай его добровольно, смертная. — снова заговорил мужчина, обратившись ко мне, и я ощутила, как вязкая слюна застряла в горле. — Ты не понимаешь, что держишь в руках. Это не питомец. Это оружие. Тюрьма, которая скоро рухнет. И тогда... ты умрёшь первой.

И что-то после этих слов во мне дрогнуло, глухое пламя ярости потекло по венам. Это мой Люцик! И никто не смел так обращаться ни со мной, ни с ним.

Превозмогая паралич, я бросила осипшим голосом:

— Какого чёрта! Я не понимаю... Что вам нужно? Это просто кот! Мой кот!

Мужчина запрокинул голову, открывая бледную шею, и беззвучно засмеялся. От его смеха к вискам подступила пульсирующая боль.

— Просто кот? Скажи это ему!

В этот момент Люцик прыгнул — не на зеркало, а в самую тень, которую отбрасывала фигура мужчины. Его лапы вспороли воздух, и из тени вырвался сгусток тьмы.

Я отшатнулась, а в голове прозвучал громовой, властный голос, совершенно не похожий на человеческий:

— БЕГИ!

Глава 6. 2. Голоса в голове

Я выдохнула и попыталась сделать усилие над собой. Однако ноги не слушались, как ни старайся. Я просто стояла на месте, без возможности сделать хотя бы шаг в сторону. Мой взгляд был прикован лишь к Люцику. Я ошалело наблюдала, как кот — мой наглый, ленивый, любящий лосося кот — превращается в нечто невообразимое. Он менялся и всё меньше напоминал того мейн-куна, которого совсем недавно мне подарила Галина. Его тело стремительно вытягивалось, обрастая клубящейся тьмой, лапы становились огромными, с длинными когтями, светящимися лунным серебром. Глаза становились похожи на два алых прожектора. Когда изменения закончились, я нахмурилась. От напряжения мои глаза заслезились. Ватной рукой я смахнула пелену и вгляделась. Контур тела Люцика размылся, словно теперь он существовал одновременно в нескольких измерениях. И теперь он совершенно точно не был котом.

Он двинулся вверх, обрушиваясь на сгусток тьмы. Казалось, ему не потребовалось много усилий. Хватило всего одного удара когтистой лапы для того, чтобы сгусток разорвался на мелкие клочья. По комнате пронёсся звук — не хлопок, не хруст костей даже, а звон, почти обычный звон, какой бывает, когда стеклянная посуда бьётся друг о друга. Сгусток тьмы рассыпался осколками зеркала. Те, падая на пол, превращались в нечто, схожее с каплями ртути, а после без следа испарялись.

Лицо мужчины в зеркале исказилось — не от боли, а от глубокой досады.

— До встречи, Азраил. Мы ещё поговорим. И ты, смертная... береги себя. Ты теперь часть этой истории.

Изображение резко погасло, словно отключили питание. А в отражении снова показалась моя прихожая и зеркало с частой паутиной трещин.

Мгновение тишины.

Пока я всматривалась в своё бледное отражение, то, что когда-то было Люциком, перевело взгляд на меня. Постояло так мгновение, а затем начало уменьшаться. Тьма стремительно опадала, возвращая глазам янтарный оттенок, а коту нормальный размер. Когда же трансформация закончилась, Люцик подошёл ко мне и осторожно потёрся о мои неподвижные ноги.

Я смотрела на него сверху вниз, чувствуя, как в висках пульсирует боль. Вместо слов мои губы беззвучно шевелились и безуспешно выдавали лишь воздух. Я рвано выдохнула, а в голове лихорадочно пронеслось: «Он говорил. Он говорил в моей голове. Мой кот. Мой кот превратился в... во что? И тот, в зеркале... он назвал его Азраилом. Это имя. Это... это всё реально. Это не сон. Это...»

Неожиданно мои глаза закатились, ноги, держащиеся на последнем усилии воли, окончательно подкосились. Я осела на пол без единого звука.

Придя в себя, я огляделась и почувствовала не твёрдый пол прихожей, а мягкий диван. На груди — плед, на журнальном столике — кружка с остывшим чаем. В комнате тихо, горел торшер. За окном — глубокая ночь.

Рядом, свернувшись клубком, лежал Люцик. Самый обычный. Пушистый. Тёплый. Он спал неподвижно, тихо мурлыча во сне.

«Я была в прихожей, а теперь здесь... — подумала я, а затем так же мысленно фыркнула. — Можно подумать, других странностей, кроме перемещения, сегодня не происходило. И вообще не сегодня, а в принципе за последние дни».

Я смотрела на Люцика и ощущала, как к горлу подступает ком. Страх и тревога медленно расплзались по грудной клетке.

«Пусть это всё будет сном! Ну пожалуйста! Просто глупой выдумкой чересчур творческого разума!» — мысленно молила я, кого угодно, лишь бы успокоиться. Однако треснувшее зеркало в прихожей, которое я видела, прежде чем упасть, было слишком реально. Я бросила

взгляд на зеркало в прихожей и поёжилась. Недолго думая, я протянула ладонь и коснулась кошачьей головы. Люцик мгновенно открыл глаза, будто и не спал вовсе. Он глянул на меня — без алого, без тьмы. Во взгляде плескалась не потусторонняя сила, а глубокая усталость, какая бывает у девяностолетнего старика, прожившего долгую человеческую жизнь.

— Кто ты? — едва слышно прошептала я, перебарывая тревогу.

Но кот не ответил. Он лишь придвинулся ближе, а затем опустил тяжёлую голову на мои колени. Я не слышала слов, но странное ощущение прокатилось внутри. Тёплое, как мурлыканье: «Позже. Отдыхай. Ты в безопасности».

Мгновение я переваривала услышанное, а затем рвано выдохнула, словно высвобождая всё напряжение и страх. И медленно прикрыв глаза, прислушалась к себе.

Телепатия это была или просто моё больное воображение — я не знала, но почему-то стало чуть легче. К тому же я была из тех людей, которые точно уверены, что здравая мысль приходит только утром. И пусть пока я сплю, разум сам приберёт тот беспорядок, что я учинила, сама того не желая.

Ночную тьму за окном разгонял холодный свет луны. На чистом небе сияла мелкая крошка россыпи звёзд, и осенняя погода из окна квартиры виделась почти летней. Даже ветер, который частенько гуляет в это время года, сегодня не бился и не царапал стекло. Подобное ощущение тишины, лёгкости и спокойствия бывает после сильного шторма или урагана. Погода сделала своё и успокаивается. Или же просто набирает силу для нового, ещё более мощного рывка.

Я лежала в тишине, слушая, как урчит мой кот, и понимала: пути назад нет. Моя квартира больше не крепость. Моя жизнь больше не обычная. И человек в зеркале сказал правду. Я — часть этой истории. Осталось выяснить, какой именно.

Глава 7. Я не твой питомец

Наутро я проснулась с тяжёлой головой. Внутри будто бочка с ватой, через которую не проходят мысли. И ты сидишь, уткнувшись в одну точку, словно каменная, изредка моргая для приличия.

Через минут пятнадцать я всё же поднялась и прошла в прихожую. Мои опасения оправдались. Зеркало, висевшее на стене, имело ту самую сетку трещин, что я помнила.

— Полный абзац! — брякнула я, потирая лоб.

Реальность, та самая моя обычная серая реальность, где-то обрушилась. И теперь вместо нелюдимои писательницы романов я сама стала героиней... Только вот насколько опасен этот сюжет? Может, я вообще рискую не дойти до финала?

Я скривилась, сдвигая губы вправо и прикусывая изнутри щёку. А затем перевела взгляд на кота.

Люцик, очевидно, давно ушёл из моей постели, и теперь сидел на подоконнике, глядя на улицу. Точно так же он вёл себя в первый день. Только сегодня его взгляд не содержал придиричвого презрения, а лишь тонко пробивающуюся усталость, смешанную с решимостью. Теперь я отчётливо видела — он выглядел не как кот, совсем не как питомец.

Я прошла и опустилась на кресло. Между мной и Люциком остался небольшой журнальный столик, на котором, точно линия фронта, были разбросаны листы бумаг, а сверху как знамя стояла пустая кружка.

— Ты говорил. В моей голове. — начала я, собравшись с мыслями. — Я слышала слово «БЕГИ». И тот, в зеркале... он назвал тебя Азраилом. Кто ты? И почему я до сих пор не сбежала из собственной квартиры?

Я проговорила слова практически на одном дыхании. Но Люцик не торопился как-либо реагировать. После недолгого ожидания он спрыгнул с подоконника и опустился на журнальный столик, прямо на гору бумаг.

Он взглянул на меня, а после поднял лапу и несколько раз ударил ею по деревянной столешнице. Это была не игра питомца, а уверенные, короткие и ритмичные отстуки, словно сериями.

Я нахмурилась и потёрла лоб. Удары повторились.

— Ещё скажи, это азбука Морзе? — в шутку бросила я, но моментально моя улыбка сошла с лица. Я лихорадочно схватила телефон и забила в поиске расшифровку.

И вот как бы я жила в фэнтези-мире без искусственного интеллекта и умных гаджетов, ума не приложу. Потому что сейчас он меня выручал как никогда раньше.

Когда удалось понять первое слово, я до боли прикусила губу. Нервы трещали как то зеркало вчера.

«СЛУШАЙ» — разобрала я и замерла, вслушиваясь, как кот медленно и терпеливо повторял удары дальше.

Он отстукивал по буквам: А-З-Р-А-И-Л. Пауза. К-Е-Й-Р-А-Н.

— Азраил-Кейран, — протянула я, и кот моргнул с полным сознательным убеждением, что я правильно поняла.

Я остро взглядела в него, а затем откинулась на спинку дивана, рассуждая вслух.

— Азраил-Кейран... Звучит как имя главного героя тёмного фэнтези. Не буду врать, я впечатлена.

Я потёрла виски и выдохнула. Во мне боролись два человека: испуганная женщина, упавшая вчера в обморок, и писательница, которая только что получила сюжет всей своей жизни. Эта внутренняя борьба изматывала, но писательница, как ни крути, занимала огромную часть меня. А потому победа была очевидна.

Люцик видел моё смятение и выжидал некоторое время, пока я осознаю. Затем он запрыгнул на кресло и осторожно приложил лапу к моей руке. Я ощутила тёплую шерсть и грубые подушечки. И не успела даже среагировать, как в следующее мгновение меня накрыло волной рваных образов. Они накатывали вспышками, напоминая обрывки из чужих снов.

Сначала я увидела огромный храм из чёрного камня. Его массивные величественные колонны уходили в небо, а между ними словно мерцали созвездия. Затем показалась фигура в мантии с серебряными рунами; в руках — светящийся обруч. Новая вспышка — и перед глазами ошейник — холодный, тяжёлый, смыкающийся на шее. Боль. Падение. Темнота.

Я содрогнулась от давящих чужих чувств и эмоций. Они будто проходили через меня точно электрический разряд.

Дальше я увидела, как четверо зверей — волк, орёл, дракон, пантера — стоят по кругу и медленно растворяются во тьме.

И в конце — лицо, то самое, из зеркала. Ветер глухо пронёсся через изображение, распыляя чёрный туман, точно шепча имя — Ксардан. Он улыбнулся той самой дикой улыбкой, которой одарил меня в зеркале. Я не выдержала и одёрнула руку. Дыхание сбилось, будто я пробегала марафон, а глаза блеснули от подступавших слёз, которые я с силой удерживала в себе. Но они душили не от страха, а от чужой боли, что я пропустила через себя только что. Я ощущала её как свою. А поэтому даже мне, девушке, которая почти никогда не позволяет себе подобной слабости в чьём-либо присутствии, стало в этот раз не по себе.

Люцик же сидел неподвижно, опустив голову. Он не смотрел на меня, но и лапу не убирал.

Я ощутила, как от перенапряжения и волнения загорело лицо. Прижав ладони к щекам, я прокручивала в голове хор фактов: слово «Археоморф» в моих черновиках, странные сны, которые я видела последние полгода, убеждение, что именно я придумала магическую иерархию, а на деле словно вспоминала. Но как...

Собственные мысли привели меня в тупик, и я вскочила. Дёрнувшись к стопке бумаг, я откинула верхние листы и вскоре нашла ту самую страницу с ритуалом, где впервые написала «Археоморф».

— Именем Археоморфа... владыки четырёх Аспектов... — прочитала я вслух и перевела взгляд на Люцика. В груди похолодело, когда кот поднял на меня глаза, наполненные какой-то неземной, нечеловеческой тоской.

— Это приходило ко мне во снах, — продолжила я вслух. — Но я думала, что схожу с ума! Или что я гений. А выходит... ты всё это время был где-то рядом? Ты... транслировал мне это? По крайней мере, другого объяснения я не вижу...

Но Люцик не ответил, продолжая сверлить своими янтарными глазами с целым океаном эмоций, что изредка по капле доносились до меня.

Тогда я опустилась на колени перед диваном, чтобы быть с котом на одном уровне, и тихо, но твёрдо произнесла:

— Ты не кот. Ты никогда не был котом. Ты, выходит, запертый бог, которому я купила миску с рыбками. Прости. Но знаешь что? Это многое объясняет. Лосось в холодильнике. Пылесос. Ту тварь в подворотне...

В ответ Люцик фыркнул — почти по-человечески. А затем почти моментально я услышала в голове голос — на этот раз не приказ, а усталую, горькую констатацию: «Я — не твой питомец».

От этого голоса в груди что-то дёрнулось, и я улыбнулась, впервые за сегодня.

— Нет. Ты — мой ворчливый сосед с тысячами лет за плечами. И, судя по всему, мой единственный защитник. Так что давай договоримся: я помогу тебе, а ты перестанешь смахивать мои черновики.

Возможно, я схожу с ума, или уже давно сошла. Я разговариваю с собственным котом и слышу, как он мне отвечает.

С этой мыслью я глянула на рассветное небо и отправилась варить кофе. В холодильнике отыскался лосось, вернее, его остатки — того самого, «наколдованного». Люцик, или как его теперь... Азраил, сразу же пришёл на моё приглашение позавтракать. Так мы и сидели молча: он ел лосось, а я пила кофе и думала: «Я, Катерина Горина, менеджер и писательница, сижу на кухне с древним божеством в теле мейн-куна. Вчера оно спасло меня от зеркального психопата. Сегодня оно ест мой лосось. У меня нет плана. Но, кажется, я только что согласилась стать героиней собственной книги. И мне, чёрт возьми, интересно, что будет дальше».

За окном вставал серый осенний рассвет. На столе остывал кофе. В углу тихо потрескивало разбитое зеркало. А на подоконнике сидел тот, кто называл себя Азраил-Кейран, и смотрел на мир так, будто видел его насквозь. И я, кажется, начала понимать, почему он выбрал именно меня.

Глава 8. 1. Вторжение

Мысли не отпускали меня весь день. Хотя Азраил больше не пытался говорить со мной. Думаю, любой контакт и прорыв сквозь форму кота в ошейнике давался ему непросто. Поэтому я пыталась решить, что мне делать дальше.

Я даже садилась поработать, но мозг отчаянно сопротивлялся. Пришлось отложить задания из офиса и написать руководителю. Мне определённо нужно несколько дней, чтобы прийти в себя и определиться с дальнейшим вектором движения. Ведь глупо было полагать, что Азраила просто так оставят в покое, а значит, и меня вместе с ним.

Моё решение уйти в отпуск за свой счёт руководству не понравилось. Кажется, я медленно, но верно движусь к увольнению. Но в данный момент это волновало меня меньше всего.

Время приближалось к вечеру. Мы сидели на моей кухоньке, где я размышляла вслух, а кот молча слушал мои доводы. Я до сих пор не привыкла к его пронзительному взгляду, который разил будто в самое сердце, заставляя отводить глаза. Но я всеми силами старалась не обращать внимания и думать только о важном. Ведь теперь это касалось и моей жизни тоже. Выходило не очень.

— Я не знаю всех деталей. Но если рассуждать логически, то становится ясно одно — Кейран не отступит, — говорила я, глядя на кота. — И скорее всего, — я оперлась подбородком на тыльную сторону ладоней и подняла глаза вверх, чтобы взгляд Азраила не отвлекал меня от размышлений, — скорее всего он действует не один, а раз так, то им не составит труда организовать ещё одну попытку забрать тебя. Ведь именно сейчас ты, как я понимаю, наименее защищён.

Кот низко мяукнул и медленно моргнул. На долю секунды я уловила в его взгляде удивление, смешанное с тонким флёром восхищения.

— Получается, тут оставаться небезопасно. В городе не только слишком людно, но и на улицах много зеркальных отражений. Нам нужно... — Я резко опустила глаза на Азраила. — Я знаю! Нам нужно уехать на дачу к Галине!

Я просияла, обрадовавшись удачной идее, и принялась набирать подругу.

Галина не стала расспрашивать о причине такой резкой и неожиданной просьбы и без колебаний согласилась. Думаю, она решила, что моя личная жизнь вышла из состояния мёртвого застоя и что я решила организовать свидание на природе.

Ох, Галя, если бы ты знала, то точно не поверила бы. Вряд ли кто-либо в здравом уме действительно решил бы, что всё это реально. Даже я сама до сих пор не верю. Поэтому оставалось тихонько выехать на дачу, подальше от города и квартиры, а там уже решить, как быть.

Из собственных мыслей меня вытянул наостривший уши кот. Он резко повернул голову к входной двери и зашипел. Я затихла, боясь подумать о самом худшем.

Неожиданно в подъезде послышался шум. Тяжёлые размеренные шаги разбивали тишину подъезда и отдавались эхом. Это был не один человек. Слишком много людей для одного спокойного вечера, для одного тихого дома.

Люцик спрыгнул со стула и беззвучно добрался до входной двери. Я хотела спросить, что это значит. Хотелось верить, что у соседей просто гости. Конечно, убедить себя в этом мне не удалось, особенно когда, не дав мне задать вопрос, кот обернулся. Его глаза уже поменяли цвет. Они снова подёрнулись алым.

— Не выходи. Что бы ни случилось — не выходи! — раздался его голос у меня в голове, и я насторожилась, прислушиваясь к шагам. Те остановились у моей двери.

Мгновение тишины — и дверь сотряс мощный удар. От такого, уверена, даже соседи снизу подпрыгнули бы на месте.

Затем последовал ещё удар, и я отшатнулась к кухонной стойке. Затем схватила чугунную сковородку и приготовилась.

Да, глупо было полагать, что одна я с кухонной утварью в руках смогу что-то сделать, но это, по крайней мере, придавало мне уверенности.

Дверь сотряс третий удар, и замок затрещал, а на следующем ударе просто раскрошился. Дверь влетела внутрь, падая с твёрдым глухим звуком. По полу и стенам прокатилась короткая волна. Я замерла, наблюдая, как мелкая крошка штукатурки осыпается на пол.

Когда облако пыли чуть осело, перед моими глазами предстали три высокие фигуры в тёмных плащах с алым кантом. Их лица были закрыты зеркальными масками, а в руках светились амулеты в форме скрученных змей. В воздухе отчаянно запахло озоном, сухим льдом и неизбежностью.

— Отдай сосуд добровольно или умрёшь вместе с ним! — заговорил один нечеловеческим голосом, похожим на целый хор из нескольких, и пол под их ногами начал медленно покрываться тонким слоем инея. Казалось, это настолько пугающе нереально, что меня охватил озноб. Спинай я ощущала холодную стену, от которой не могла отлепиться.

Я сглотнула вязкий ком и, пытаясь сдержать дрожь в голосе, ответила:

— Ребята, вы ошиблись квартирой. У меня даже телевизора нет.

В этот момент мейн-кун обошёл меня и встал впереди. Он не шипел и не кусался, а мгновение просто стоял. А с его шерсти, точно лава, стекала тьма. Контуры стремительно размывались, а изнутри исходил огненный свет. Миг — и передо мной стоял уже не массивный кот, а нечто иное, слегка похожее на кота. Существо вытянулось и выросло в росте, а шерсть окутала густая тьма.

Непрошенные гости не стали ждать. Один из них первым ударил сгустком зеркальной энергии. Очевидно, тот должен был сковать Азраила, и пульсар действительно попал в цель. С первого раза. Он прошёлся по тьме на шерсти и отбросил того к стене. Что-то тихо треснуло. Я вскрикнула от неожиданности.

Однако всё шло не так, как полагали противники. Удар не сковал Азраила. Наоборот, он запустил какой-то свой иной механизм. Тело стало стремительно увеличиваться до размеров крупного тигра, а затем — больше. Из лопаток с треском прорвались два огромных крыла — не птичьих, не из простых перьев, а будто сотканных из тьмы и звёздной крошки. Задние лапы стали мощными, а передние обрели длинные клинки-когти, что, казалось, источали какой-то неземной, ночной свет серебристой луны. Морда вытянулась, но сохранила кошачьи черты: огромные уши с кисточками, алые глаза без зрачков, острые клыки, с которых теперь срывался чёрный, смоляной пар. И вокруг него воздух шёл крупной рябью, мебель трещала, а стёкла вот-вот грозились лопнуть.

Глава 8. 2. Вторжение

Тогда я ещё не знала, что это не полный Археоморф, а лишь пролом в проклятии — рваная, нестабильная форма, которая пожирает его изнутри. Я впервые видела не кота, не бога, а раненую, яростную химеру, готовую разорвать реальность, чтобы защитить меня.

Он рванулся вперёд, и мир вокруг нас сломался. Буквально. Сначала я услышала звук — не рык, не шипение, а низкий, вибрирующий гул. Я ощутила нарастающее давление на виски, а затем резко заложило уши. Воздух схлопнулся, как при разгерметизации. Стёкла лопнули, разлетаясь мелкими осколками. А чёрная тень, в которую превратился мой кот, столкнулась с первым противником.

Одного взмах крыла хватило, чтобы человека вынесло спиной вперёд через оконный проём вместе с рамой, остатками стекла и занавесок. Я услышала глухой удар и звон разбитого стекла где-то внизу, во дворе. К горлу подкатила тошнота.

Второго Люцик настиг у двери. Тот пытался читать заклинание, но не успел — чёрная лапа с серебряными когтями пригвоздила его к полу, и я увидела, как амулет в его руке вспыхнул и рассыпался пеплом. Боевик закричал, но крик оборвался, когда его тело обмякло.

Третий оказался быстрее. Или злее. Он не стал размениваться на магию — просто метнул в Люцика узкий клинок, сотканный из отражений. Я увидела, как он летит, — полупрозрачный, мерцающий, словно осколок зеркала, заточенный до невидимости. Люцик не стал уворачиваться. Клинок вошёл ему в плечо — туда, где у обычного кота была бы лопатка, а у этого создания, кажется, находился вихрь из тьмы и звёзд. Из раны брызнуло чёрным, и мой крик вырвался сам собой:

— НЕТ!

Люцик даже не покачнулся. Только издал этот звук — уже знакомый мне рокот и развернулся к нападавшему. Тот попытался отступить, но не успел. Люцик взмахнул крылом, и противника подбросило в воздух, пронесло над моей кухней, а затем вышвырнуло в ту же дыру, что и первого. На этот раз без стекла — оно всё уже лежало внизу.

Я сидела за кухонным островком, зажмурившись. Меня трясло, но я пыталась сдерживать дрожащие зубы. Выходило плохо. Хотелось кричать, но сделать этого я не могла. Горло словно сдавили невидимые тиски. Я слышала, как где-то в квартире что-то падает, трещит, лопается. Пахло озоном, пылью и — почему-то — мокрой шерстью.

А потом наступила тишина. Такая плотная, что я испугалась ещё сильнее. Хотя думала, что сильнее уже невозможно.

Когда наступила тишина, я осторожно выглянула из-за островка.

Квартиры больше не было. Вместо неё — декорации к фильму-катастрофе. Выбитая дверь лежала на полу. В дверном проёме клубился дым. Стены покрыты трещинами, пол усыпан осколками, клочьями тьмы и какими-то чёрными лоскутьями, которые медленно таяли. Мой любимый торшер лежал на боку, расколотый пополам. Журнальный столик — щепки. Ноутбук чудом уцелел — лежал под упавшей подушкой.

И посреди этого хаоса стоял он.

Огромный. Крылатый. Чёрный, как сама ночь. Он тяжело дышал, и из его пасти вырывались клубы пара. Рана на плече пульсировала чёрным, но он стоял. Не падал. Стоял и смотрел на меня.

Наши взгляды встретились, и я прерывисто выдохнула. Сердце, казалось, пропустило удар, забирая последнюю возможность говорить.

В его алых глазах не было ни торжества, ни жажды крови. Только отчаянное, лихорадочное усилие — не сорваться. Не потерять себя. Не навредить мне.

И он сдерживался.

В этот момент я поняла, что больше никогда не смогу назвать его «просто котом».

Люцик сделал шаг ко мне — и его тело прошла судорога. Крылья дёрнулись, рассыпаясь пеплом, контуры поплыли, и огромный зверь начал опадать, точно тень на рассвете. Ещё секунда — и на полу, среди обломков моей прежней жизни, лежал обычный чёрный мейн-кун. Весь мокрый и с рваной раной на плече.

Я бросилась к нему, не помня себя.

— Люцик! Люцик, ты слышишь меня?!

Он лежал на боку, хрипло дыша. Раненое плечо вздымалось короткими, рваными толчками. Шерсть слиплась от крови — или того, что у него заменяло кровь. Глаза оставались полужакрыты. Тогда я опустилась на колени, осторожно подняла его на руки, прижала к груди. Он казался горячим, словно подожжённая щепка, и лёгким — слишком лёгким для того существа, которым был минуту назад.

— Ты справился, слышишь? Ты их всех... всех раскидал... Ты только держись, я сейчас... я что-нибудь придумаю...

Мои руки дрожали, слёзы катились по щекам, я даже не пыталась их вытирать.

Нет, это всё не закончится вот так. Ибо я была бы не Катерина, чтобы так просто сдаться.

Люцик приоткрыл глаза. В них больше не было ни алого, ни янтарного — только мутная, пустая растерянность. И тогда я услышала его. Не голос — шёпот. Даже не шёпот — эхо, будто сквозь толщу воды:

— Я... не помню... сколько их было... Где мы...

Он смотрел на меня, и в его взгляде не было узнавания.

— Кто ты?

Я замерла. Внутри что-то оборвалось — тонко, безнадёжно. Он забыл. Забыл не только бой, не только последние дни. Он забыл меня.

Возможно такова плата за прорыв проклятия. За эту чудовищную, нестабильную форму. За спасение моей никчёмной жизни.

Я прижала его крепче, осторожно, чтобы не задеть рану, и зашептала — сбивчиво, глотая слёзы:

— Я Катя. Я твоя... я твой человек. Ты только что спас меня. Ты разнёс половину квартиры и выкинул троих культивистов в окно. А до этого ты жил у меня, воровал лосося и притворялся обычным котом. И я... я не позволю тебе это забыть. Слышишь?

Люцик перестал дрожать. Его лапа слабо дёрнулась и коснулась моего запястья. Всего на секунду. Но этого хватило.

— Не смей меня забывать, — прошептала я. — Я стану твоей памятью.

Он закрыл глаза. Его дыхание выровнялось, стало тише, но всё ещё с хрипом.

Я сидела посреди руин своей квартиры, прижимая к себе древнего бога в теле кота, и понимала: мы больше не можем здесь оставаться.

Мысль пришла моментально. Пришлось действовать почти на автомате.

Сначала — Люцик. Я достала из шкафа старый спортивный плащ, тот самый, в котором когда-то бегала по утрам (до того, как лень окончательно победила), и осторожно завернула в него кота. Он не шевелился. Только слабое мурлыканье — не от удовольствия, а от боли — говорило, что он ещё жив.

Потом — вещи. Спортивная сумка. Ноутбук. Зарядка. Документы. Пакет кошачьего корма, который всё равно никто не ел. Я двигалась быстро, потому что знала: время уходит. Ксардан не посылает одиночек. За этой тройкой скоро придут другие. Или полиция. Или и то, и другое.

Я перешагнула через выбитую дверь и вышла в подъезд. Тишина. Никто не выглянул на шум, никто не вызвал МЧС. Я тогда ещё не знала, что Ксардан умеет ставить полог тишины — эдакий купол беззвучия, внутри которого можно вырезать целую квартиру, и никто не поче-

шется. А может, соседи просто привыкли, что у писательницы из двадцать третьей вечно что-то взрывается. Кто их знает.

На улице лил холодный осенний дождь. Я стояла под козырьком, прижимая к груди завернутого в плащ кота, и пыталась поймать такси. Видок у меня был тот ещё: растрёпанная, с размазанной тушью, в перепачканном кровью (я надеялась, что это была кровь, а не что похуже) плаще, с воющим от боли животным на руках. Три машины проехали мимо.

Четвёртая остановилась.

Водитель — пожилой, усатый, с лицом человека, который много лет возит всякое и уже ничему не удивляется, — косился на меня в зеркало, пока я устраивалась на заднем сиденье.

— В ветеринарку срочно, — выдохнула я. — Кот подрался с собакой.

Водитель покосился на Люцика, из-под плаща которого торчало перепачканное ухо, и хмыкнул:

— С собакой, говоришь? Похоже, собака была размером с медведя.

— Очень злая собака, — согласилась я. — И очень большая.

Он не стал спорить. Назвал адрес, машина тронулась.

Люцик лежал у меня на коленях и мурлыкал. Этот звук — низкий, вибрирующий, — проходил сквозь плащ, сквозь мою одежду, прямо в рёбра. Я гладила его по голове, по мокрой шерсти, и повторяла, как мантру:

— Я стану твоей памятью. Ты не забудешь. Я запишу всё, каждую деталь. Каждую чёртову мелочь за все твои тысячи лет.

Я ещё не знала, что так начнётся «Исповедь Археоморфа». Во мне билось лишь одно желание. Я просто не могла позволить ему исчезнуть.

Машина везла нас сквозь дождливую ночь, прочь от руин моей прежней жизни. На коленях у меня лежал древний бог, запертый в теле кота, и доверчиво спал, забыв собственное имя. А я клялась, что стану его памятью. Даже если для этого придётся записать всю его чёртову вечность.

Глава 9. Пациент с аристократическими замашками

Я не знаю, что хуже: когда твой кот — древний бог, умирающий от раны, или когда этот бог смотрит на тебя как на нашкодившего котёнка и телепатически цедит: «Только попробуй отвезти меня в эту вашу... ветеринарку».

— Это не просто «ветеринарка», — процедила я, одновременно пытаюсь удержать Люцика на коленях и не дать ему сползти с плаща. — Это клиника. Там тебя осмотрят, обработают рану, может, наложат швы. Ты же не хочешь сдохнуть от заражения?

— Я не сдохну от заражения. Я пережил падение со звёзд.

— Ага, а ещё ты пережил пылесос, но что-то не сильно этому рад.

Водитель, который уже понял, что везёт не совсем адекватную пассажирку, в сотый раз покосился в зеркало. Я состроила ему усталую улыбку человека, который просто разговаривает с котом. Ну, люди же разговаривают с котами. Некоторые даже с фикусами. Я вот с фикусом разговариваю. И с котом, как выяснилось, тоже.

Хотя на самом деле сейчас мне шутить хотелось меньше всего, да и в разуме крутилось лишь одно: лишь бы с Люциком, или как его — Азраилом, всё было хорошо.

— Ветеринарная клиника «ЗооДоктор 24» на Прянишникова, — громко сказала я, глядя в телефон. — Пожалуйста.

Водитель молча кивнул. Люцик издал звук, больше похожий на сдавленный стон.

— Прости, — прошептала я, наклоняясь к его уху. — Но я не могу смотреть, как ты истекаешь... чёрной жижей. Это не нормально.

Он промолчал, только прикрыл глаза. И мне на секунду стало по-настоящему страшно: а что, если ветеринар увидит, что у него внутри не кровь? Что, если начнутся вопросы? Может, стоило довести его до дачи и положиться на магию?

Но магия, судя по всему, сейчас не работала. А рана — работала.

— Прости, — повторила я, уже неизвестно кому.

В клинике пахло хлоркой, собачьим кормом и безнадёгой. Ну, по крайней мере, так показалось мне. На самом деле, наверное, просто стерильно и чисто, но в три часа ночи всё выглядит как декорация к фильму ужасов: пустые белые коридоры, гулкий свет ламп, стойка администратора, за которой сидит девушка с фиолетовыми прядями и лицом человека, которого разбудили в ночную смену.

— Чем помочь? — спросила она, даже не взглянув на меня.

— Кот. Рана на плече. Возможно, кровотечение.

Она подняла глаза, увидела завёрнутого в плащ Люцика и слегка оживилась.

— Мейн-кун? Красивый. Как зовут?

— Люцик.

— Возраст?

Я замешкалась. Люцик открыл один глаз и посмотрел на меня.

— Три года, — ляпнула я.

Администраторша нахмурилась:

— Точно? Выглядит он... солидно.

— Ну, он просто крупный.

Люцик фыркнул так, что девушка вздрогнула, а я мысленно хмыкнула.

— Хорошо, — сказала она, заполняя карточку. — Подождите, сейчас подойдёт врач.

Я села на жёсткий пластиковый стул и положила Люцика себе на колени, укутав в плащ. Он был тяжёлым и горячим, как только что выключенный утюг. Я погладила его между ушей, и он приоткрыл глаза, посмотрел на меня — уже не так пусто, но всё ещё затуманенно.

— Держись, — прошептала я. — Сейчас тебя подлатают, и поедем к Галине. Там тихо, никто не будет швыряться зеркальными клинками.

Он моргнул. Возможно, согласился. А возможно, просто в голове у него что-то перемкнуло.

Из кабинета вышел ветеринар. Молодой мужчина лет тридцати пяти, с усталым лицом, в зелёной форменной рубашке, с бейджиком «Артём Борисович».

— Проходите, — кивнул он. — Кладите на стол.

Я осторожно перенесла Люцика на смотровой стол. Тот не сопротивлялся, только вцепился когтями в моё запястье, когда врач начал осматривать рану.

— Интересная рана, — пробормотал Артём Борисович, раздвигая шерсть. — Края очень ровные. Как будто резали скальпелем. И вокруг... ожоги? Это от чего?

— От стекла, — быстро проговорила я. — Он выпал из окна.

— Из окна? — Врач поднял бровь. — Ночью? В дождь? И его ранило стеклом?

— Да. Стекло было... очень злым.

Артём Борисович хмыкнул.

— А ещё у него зрачки не расширяются на свет. Странно. Вы уверены, что это обычный кот?

Я глянула на Люцика. Тот, несмотря на слабость, вдруг поднял голову и посмотрел прямо в глаза ветеринару. Взгляд его стал тяжёлым, вязким, и в комнате как будто похолодело. Я насторожилась.

— Это обычный кот, — повторил Артём Борисович вдруг безо всякого выражения. — Просто царапина от стекла.

Я перевела дыхание и расслабила плечи.

— Да, обычный. Очень.

Дальше пошло легче. Врач, не задавая больше вопросов, обработал рану, наложил три шва, сделал укол антибиотика. Люцик, к моему удивлению, почти не дёргался, только тихо урчал, как старый холодильник. Только когда Артём Борисович начал перевязывать, кот вдруг цапнул край стола, оставив на нём глубокие борозды.

— Простите, — прошептала я, поглаживая его по голове.

— Не страшно. Столу не привыкать.

После перевязки врач снова посмотрел на Люцика, уже почти осмысленно.

— Всё-таки странная у него аура. И цвет глаз... меняется?

— Это свет так падает, — брякнула я, прикусывая щёку изнутри.

— Да, наверное. — Артём Борисович покачал головой. — В общем, рекомендации простые: покой, ограничить нагрузки, следить за швами. Если будет лизать — надеть воротник.

Люцик презрительно фыркнул.

— Не будет, — заверила я.

— Ну, смотрите. — Врач устало улынулся. — И всё-таки, как он умудрился так пораниться? Стекло, говорите?

— Да. Оконное. С острыми краями.

— И следы ожогов?

— Погода была... электрическая. Молния.

— Молния в квартире?

— Проводка. Старая. Короче, короткое замыкание, потом взрыв, стекло разлетелось, кот испугался, выпрыгнул.

Артём Борисович некоторое время смотрел на меня с таким видом, словно я сбежавший преступник или скрываю особо ценную диковину. Хотя в какой-то степени так оно и было. Ветеринар перевёл взгляд на Люцика. И тот снова глянул на него, окутывая только ему одному понятным кисельным миром, и это подействовало — врач мгновенно расслабился.

— Ясно. Тогда не смею задерживать. Выпишу вам рецепт.

Пока я ждала у стойки, Люцик, укутанный в плащ, сидел у меня на руках и, кажется, приходил в себя. Он уже не пылал, дышал ровнее, и взгляд стал живее.

— Тебе лучше? — спросила я.

Он моргнул, и в моей голове снова раздался голос

— Лучше, чем минуту назад.

— Вот и славно. А то я уже представляла, как везу тебя в клинику, а ты там устраиваешь сеанс гипноза.

— Устроил. Врач больше не задаёт вопросов.

— Что?!

Я оглянулась. Ветеринар стоял у стойки, заполнял документы, и вид у него был совершенно отсутствующий. Администраторша вдруг открыла холодильник и достала оттуда пакет с надписью «Лосось для персонала». Она медленно положила его на стойку и уставилась в стену.

— Ты и её? — прошептала я.

— Я не хотел. Но лосось...

С этими словами он чуть мяукнул в голос и сделал почти святое выражение морды.

— Ты неисправим! — хмыкнула я и улыбнулась, думая о том, что даже боги в облике мейн-куна ведут себя как самые настоящие коты.

Поспешно расплатившись, я схватила пакет с рецептами и лососем (потому что он всё равно уже лежал и явно предназначался не мне) и направилась к выходу. Люцик, несмотря на перевязку, мурлыкал с таким видом, будто только что выиграл войну, а не прошёл осмотр. Но, по правде сказать, мне безумно нравилось, когда он это делал.

На улице по-прежнему моросил дождь. Я поймала второе за ночь такси и усадила Люцика на колени. Он уже почти спал.

— Куда? — спросил водитель.

— Дача. СНТ «Ромашка-3». Только сначала мне нужно сообщение отправить.

Я достала телефон и снова набрала Галине:

«Я всё-таки решила ехать прямо сейчас. Ты же не против, если я там останусь на недельку? С котом».

Ответ пришёл почти мгновенно:

«Только не сожги баню. И приезжай скорее, у меня там камин не топлён с прошлого года. И что с котом? Он у тебя что, приболел?»

«Подрался с собакой. Расскажу при встрече».

«Ох, Кать, у тебя вечно приключения. Ладно, едь. Ключ под половиком у входа».

Я убрала телефон и выдохнула. Люцик лежал у меня на коленях, тяжёлый, тёплый, пахнущий лекарствами и чем-то очень древним. Я погладила его между ушей, там, где, как мне казалось, когда-то располагались короны.

— Ну что, Владыка Форм, — тихо сказала я, — съездили к ветеринару. Прививок тебе не делали, но антибиотик вкололи. Теперь будешь самым здоровым божеством на районе.

Он не ответил, только приоткрыл один глаз, и на миг мне показалось, что уголки его кошачьих губ дрогнули в улыбке.

Машина тронулась. За окном проплывали мокрые ночные улицы, и я впервые за последние сутки позволила себе поверить, что всё будет хорошо.

Кажется, он тоже в это поверил. Потому что через несколько минут его лапа легла на мою руку, и это прикосновение — тёплое, осознанное, почти человеческое — сказало больше, чем любые слова.

Я стану твоей памятью. А ты, кажется, уже начинаешь занимать какое-то слишком особенное место в моей жизни.

Глава 10. 1. Беглецы

К дачному домику мы приехали, когда улицы уже окутывал утренний осенний туман. Город плавал в нём точно кораблик, потерявший курс. Темнота ещё цеплялась за корни деревьев и стен домов, но её стремительно разбавляли предвестники рассвета. Они отбеливали небо и покосившийся шлагбаум впереди уже выделялся. Такси высадило нас перед ним, и дальше начиналось садовое товарищество «Ромашка-3».

Когда дверь открылась, я вдохнула влажный воздух и ощутила, как он прокатывается через горло тонким холодком. После дождя в это время года это чувствовалось куда отчётливее.

Расплатившись с водителем, я вылезла, прижимая к груди завёрнутого в плащ Люцика. Он уже не казался таким горячим, как пару часов назад, но всё ещё был слишком тихим для кота, который ещё вчера разносил нападавших в клочья.

— Приехали, — прошептала я, глядя на тёмные очертания дачных домиков. — Сейчас будет тебе и камин, и плед, и покой.

Люцик не ответил. Только дёрнул ухом.

Ключ действительно лежал под половиком у входа, как и написала Галина. Я открыла скрипучую деревянную дверь, и на меня пахнуло холодом, сушёной мятой и чем-то неуловимо дачным — не то старыми яблоками, не то дымом от давно погасшего огня.

Темнота внутри казалась плотной и непроглядной. Я нащупала выключатель, и под потолком вспыхнула одинокая лампочка. Она осветила комнату, и я огляделась. Старая мебель в цветочек, как ни странно, добавляла домику своё особенное настроение. Пледы на диване выглядели почти новыми, а камин с чугунной решёткой казался грозным, видимо, из-за долгого пустого простоя. Нашёлся и стол у окна — он мне как раз пригодится, а также маленькая, но уютная кухонька в углу. Пахло так, будто сюда не заходили с прошлой осени. Наверное, так и бывает, когда из дома пропадает весь уют.

— Добро пожаловать в убежище, — произнесла я, опуская Люцика на диван. — Не «люкс», но зато никаких зеркал в полный рост.

Люцик с трудом приподнял голову, осмотрелся и снова уронил её на свёрнутый плед. Похоже, оценка была невысокой, но сил на критику не осталось. Да и в его положении выбор отсутствовал совсем.

Что ж... Значит, будем создавать уют. Начнём хотя бы с тепла.

И я отправилась разжигать камин. Галина бы мной гордилась: дрова нашлись в поленнице у входа, береста — в коробке под камином, а спички — в жестяной банке, расписанной под хохлому. Через полчаса в комнате потеплело, и по стенам заплясали золотые отсветы.

Честно говоря, я до последнего не надеялась, что смогу справиться с растопкой печи, но удача оказалась на моей стороне.

Люцик лежал у огня, вытянувшись, как чёрная тень, которую кто-то уронил на пол. Я сняла с него плащ, проверила повязку на плече. Она была сухой и чистой — ветеринар, несмотря на своё гипнотическое помрачение, дело своё знал и умел многое. Это придало мне каплю уверенности.

— Хочешь есть? — спросила я.

Он приоткрыл один глаз.

— Нет.

— Воды?

— Нет.

— Тогда я рядом посижу.

Я села на пол возле дивана, прислонившись спиной к ножке. Люцик не шевелился. На улице снова пошёл дождь, и его шум — это единственное, что разбавляло тишину в доме.

Прошло, наверное, полчаса. Или час. Я уже начала задрёмывать, когда вдруг услышала тихий, ритмичный стук.

Три коротких. Три длинных. Три коротких.

S.O.S.

Я открыла глаза. Люцик лежал всё так же, но хвост его методично постукивал по деревянному полу.

— Очень смешно, — сказала я, но улыбка вышла сама собой. — Хотя, раз ты шутишь, значит, оживаешь. Это радует.

Он моргнул и взглянул на меня.

— Помню.

Голос прозвучал в голове не громко, но отчётливо. Уже не как предсмертный шёпот, а как усталый, но осмысленный. Я выдохнула — только сейчас поняла, как сильно сжималась внутри всё это время.

— Это хорошо, — ответила я. — Потому что я не собиралась объяснять Галине, почему её дача сгорела, а кот оказался древним божеством.

Люцик фыркнул.

— Галина не знает.

— Разумеется! И пусть пока так и остаётся. Сначала нам нужно понять, что делать дальше. Но для этого тебе нужно восстановиться. Так что лежи, а я пойду поищу нормальную еду. И, может, заварю чай.

Он не ответил, но, когда я встала, его лапа чуть дёрнулась, словно он хотел меня удержать, но передумал.

Через несколько часов Люцик уже мог сидеть, а к полудню — доковылял до миски с водой, которую я поставила у камина. Я к тому времени успела немного прибраться, проверить окна (не зеркало, но одно висело отражающей поверхностью — я занавесила его простынёй), сварить кашу из найденной крупы и даже набрать сухих веток у крыльца.

Люцик наблюдал за мной с дивана, не вмешиваясь, но явно оценивая. И от этого взгляда мне, признаться, было слегка не по себе. Будто строгий редактор смотрел на черновик, при этом видя насквозь не рукопись, а меня.

— Что? — спросила я, отряхивая руки. — Не нравится, как я подметаю?

— Сойдёт.

— Ого, да это почти похвала. Дайте мне ручку, я запишу это!

Он снова фыркнул, но, кажется, это был уже фырк сдержанного смеха. Хотя как кошки вообще могут смеяться? Ах да, о чём это я? Он же наверняка может перестроить это тело как угодно? Или нет?

Вечером, когда камин снова разгорелся, я села напротив Люцика, скрестив ноги, и положила между нами лист бумаги с крупно написанными буквами. Тот самый, что я черкала впопыхах ещё в квартире, а потом запихнула в сумку.

— Давай договоримся, — сказала я. — Тебе сейчас трудно говорить. Мне — трудно ждать. Поэтому предлагаю: я задаю вопрос, ты показываешь буквы. Лапой или носом. Или стучишь хвостом. Идёт?

Люцик посмотрел на лист, потом на меня. В его глазах мелькнуло что-то похожее на уважение. Или на снисхождение.

— Идёт.

Я улыбнулась, чувствуя предвкушение.

— Тогда первый вопрос: как ты себя чувствуешь?

Он поднял лапу, чуть помедлил и ткнул в букву «Т».

Затем — «Е». Потом «Р».

Я ждала.

— Терпимо, — закончил он, снова врываясь ко мне в голову, и я рассмеялась.

— Ну вот, а я тут алфавит раскладываю.

— Слова... ускользают.

Он отвёл взгляд, и я поняла: провал в памяти всё ещё давал о себе знать. Не так сильно, как после боя, но часть слов, образов, имён — ускользала, плыла, как слова, залитые водой на бумаге.

— Ничего, — ответила я тихо. — Справимся. Я буду спрашивать, ты — показывать. А если не сможешь — будем искать слова вместе.

Он кивнул.

Так и начались наши вечера у камина. Сначала — простые вопросы: «Хочешь пить?», «Болит плечо?», «Ты помнишь, как меня зовут?». Люцик отвечал то тыканьем в буквы, то коротким телепатическим импульсом, то просто морганием.

А потом, в один из вечеров, я достала ноутбук.

— Послушай, — начала я, открывая пустой документ. — Ты теряешь память. Это плата за заточение, выходит... И каждый раз, когда ты применяешь силу, она откусывает ещё кусок. Я видела это после боя. Ты забыл меня. Забыл, кто ты.

Люцик лежал у огня, положив голову на лапы, и не шевелился.

— А я — писатель, — продолжила я. — Я умею превращать хаос в текст. Давай я запишу твою историю. Всё, что ты помнишь. Всё, что сможешь рассказать. Это будет рукопись. Хроника. «Исповедь Археоморфа». И если память снова подведёт тебя... у тебя будет якорь.

Он лежал, и сначала мне показалось, что он совсем не реагировал на мои слова. Я начала думать, что перегнула и, возможно, много хочу. Но потом он медленно сел, посмотрел мне в глаза и кивнул.

Я улыбнулась, чувствуя, как внутри разгорается тёплое удовольствие и вдохновение.

— Тогда начнём. Расскажи мне про Эмпирей.

Люцик придвинулся ближе, и его лапа мягко легла на моё запястье. Я закрыла глаза. И вот тут меня накрыло.

Это были не образы — они были глубже, тоньше, как музыка, которую слышишь не ушами, а позвоночником. Я даже не сразу поняла, что начала печатать. Пальцы двигались сами, выбивая по клавишам ритм, который я не задавала.

«Исповедь Археоморфа»

Часть 1. Чертёж

Введение в мир Эмпирей

Изначальный Эмпирей — это не место. И не мир. Это даже не слой реальности в привычном понимании. Это чертёж.

Представь себе дом, в котором ты живёшь. Стены, пол, потолок, двери, окна. Теперь представь, что до того, как этот дом был построен, существовал только чертёж на пожелтевшей бумаге: линии, штрихи, пометки на полях. Ни одной живой души, ни одного гвоздя. Только замысел.

Вот и Эмпирей — это замысел мироздания. То, что было до того, как миры разделились, до того, как смертные начали делить небо и землю, до того, как у богов появились имена, а у страхов — тела. Там нет воздуха в привычном смысле, нет неба и земли. Там есть только Аспекты — живые идеи, принявшие звериные облики.

Ты, Катерина, в своих романах любишь писать про магию слов. Ты думаешь, что заклинание — это набор звуков, которые складываются в силу. Но настоящая магия — это не слова. Это форма. И в Эмпирее каждая форма — это роль, которую играет сама реальность.

Смотри. Волк — это не зверь, которого ты видела в лесу или в зоопарке. Волк — это роль Войны и Охоты. Орёл — Ясновидение и Буря. Дракон — Глубины сути и Время. Змей — Смерть и Перерождение. Пантера — Страх и Скрытность. Чем древнее Аспект, тем ближе он к Истоку Творения. И чем ближе он к Истоку, тем страшнее плата за то, чтобы его занять.

Мы, Археоморфы, — единственные, кто способен не поклоняться этим ролям, а занимать их. Обращаясь в Волка, я не превращаюсь в животное. Я на время становлюсь самой идеей войны. Поэтому мой вой гасит магию, а тело в тот момент состоит из пепла и изморози. Обращаясь в Орла, я не отрицаю крылья. Я становлюсь Бурей, и мои перья — осколки обсидиана, пронизанные молниями.

Но у каждой роли есть цена. Война забирает эмпатию. Дракон — кусок души. Орёл — привязанности. Пантера — личность. Мы — не боги. Мы — актёры, играющие богов. И за каждую роль приходится платить. Иногда плата — это мгновение. Иногда — вечность.

Меня зовут Азраил-Кейран. Я был одним из девяти. Я был Археоморфом Страх, потом — Хранителем Равновесия. Я владел четырьмя формами. И я потерял почти всё, что у меня было. Кроме памяти. Но и она теперь ускользает, как песок сквозь пальцы.

Поэтому я рассказываю. А ты, Катерина, записываешь. Потому что если я забуду, кто я, — я перестану существовать. И тогда тень, что идёт за мной, выиграет.

Слушай же. Это — исповедь Археоморфа.

Я остановилась. Дыхание сбилось. Я подняла глаза на Люцика.

Он сидел рядом, не убирая лапу, и смотрел на меня. В его взгляде было не торжество и не страх. Только ожидание.

— Это правда, — прошептала я, и это был не вопрос. — Всё это... правда.

Он медленно кивнул.

— Расскажи подробнее про плату за обращение. Но если только есть сил

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.